

НАТАЛИЯ
РОМАНОВА

Звёзды
Часто
разочаровывают

Введите сюда краткую аннотацию

Глава 1

— Наадья, — голос в трубке произносил её имя с акцентом, от которого хотелось улыбнуться. — Простите за поздний звонок, я хотел спросить ещё раз, не составите ли вы мне компанию?

Надя посмотрела в стену, окрашенную в молочный цвет, вздохнула, перевела глаза на панель телевизора и ответила.

— Нет, простите, но...

— Я бы хотел знать — почему?

— Я буду занята.

— Какова истинная причина вашей занятости, Надья? — Надежда снова улыбнулась.

— Звезды часто разочаровывают...

Автомобиль остановился у подъезда многоэтажки, благополучно проехав пункт охраны, и остановился у подъезда. Надя быстро убрала телефон в сумку и посмотрела в сторону мужчины, сидящего рядом.

— И когда тебе надоест?

— Не надоест.

— Был бы я твоим мужем...

Надежда внимательно посмотрела на мужчину рядом, аккуратная бровь медленно поднялась вверх, на губах заиграла ироничная улыбка.

— Ты не мой муж.

— Ладно, ладно, — он в поражении поднял руки. — Пока, малыш.

— Пока, — она подставила щеку под поцелуй, мысленно морщась от этого «малыш».

Вышла, накинув на плечи кардиган, и лёгкой походкой, плавно покачивая бёдрами, двинулась в сторону подъезда. Остановилась на бетонных ступенях, послав воздушный поцелуй мужчине, который провожал её взглядом. Посмотреть, по мнению мужчины, было на что.

Надежда была обладательницей фигуры, которую называют «песочные часы». Широкие бёдра при узкой талии и большая, ещё не потерявшая форму грудь. По нынешним стандартам, вероятно, её можно было бы назвать полной, но у мужчины не поворачивался язык сказать так. И ни у кого не поворачивался.

Надя ходила в спортивный зал несколько раз в неделю, поддерживая себя в форме. В какой-то момент поняв, что бороться с объёмами ей всё сложнее и сложнее, она придала им практически идеальную форму, оставляя фигуре своей так недостающую многим женственность. Пышная грудь её, как и пятая точка, вряд ли уместилась бы в ладонь обычного мужчины, но любой обычный мужчина не мог отказать себе и оборачивался вслед соблазнительно покачивающимся бёдрам и тончайшей талии.

Она в нетерпении нажала на кнопку лифта и снова провела по экрану телефона, погрузившись в просмотр новостей, прикусывая губу. Её лицо было сосредоточено, глаза бегали по небольшому экрану вслед за пальцами, которые раздвигали или сужали изображения на большом экране.

Зайдя домой, она, бросив туфли в прихожей, уселась за большой монитор и стала водить

— Давай.

Сидели за столом в светлой кухне, сверкающей после свежего ремонта. Беседа, после небольшого количества алкоголя стала клеиться, и почти возвращалась в старое, некогда привычное русло.

— Зря ты, Надь, развелась, нормальный мужик был.

— Если развелась, значит не нормальный.

— Да ладно, он даже не изменял тебе!

— И что? Уж лучше бы он изменял, честно слово.

— Скажешь тоже, — сестра насупилась, у неё были свои причины, и Надя решила не ворошить прошлое.

— Понимаешь, я не могу так... Он же не мужик, а питомец, какой-то... Скажешь выкинуть мусор — выкинет, скажешь ужин готов — съест. А кот у меня есть, — поднимая белый комок шерсти на колени. — С дивана не вставал, пульт из рук не выпускал, как только корни не пустил, не понимаю.

— Всё равно... Всё равно ведь мужчина! А сейчас, что?

— И что мне может дать этот муж-чи-на? «Логан» в кредит или удовольствие кормить его три раза в день, да вялый секс два раза в месяц? Знаешь, машину я и сама себе купить смогла, и это не «Логан», на минуточку, кот ест меньше, и корм, никаких заморочек с приготовлением, а секс...

— Секс у тебя с чужим мужем.

— Да, секс у меня с чужим мужем и, надо заметить, не вялый и не два раза в месяц.

— А тебе жену его не жалко? Детей?

— Только морали мне читать не нужно. Его жена и его дети — пусть он и жалеет. Мы просто спим.

— Нааадь... тебе тридцать пять.

— И что?

— Блин, ну ты что, дурочкой не притворяйся. Ещё чуть-чуть, и даже любовника себе не найдёшь... не то что мужа. Да и о детях уже ох как пора подумать. — Надежда нахмурилась. — Прости меня, Надь, но... если у тебя десять лет назад были проблемы, думаешь, сейчас лучше стало?

— Ты не понимаешь.

— Всё я понимаю, всё понимаю, они там, — махнула в сторону планшета, лежавшего рядом, — все идеальные, каким придумает, таким и будет, но это не твоя жизнь, это вообще не жизнь. Я тоже хочу идеального, такого, чтобы... чтобы... Но, когда приходит Олег домой, пусть злой или даже пьяный, ты знаешь, редко, но бывает, и я ему рассказываю, как прошёл день, а потом он мне рассказывает... при этом мы ведь не слушаем друг друга, всё время одно и тоже... но говорим, а от него туалетной водой пахнет, которую я ему купила, и он ноги мои гладит, машинально. Тогда уже и не хочется никаких идеалов. Я-то ведь тоже не идеальная, вон попец какой отрастила, — покрутившись перед старшей сестрой.

— Пошли со мной в зал, попец будет такой же, но кругленький, такой хороший объёмный шар, как у меня, — смеясь, — что поделаешь, если нас родители такими генами наградили.

— Скажешь тоже. Ты не рожала, твои объёмы подтянутые... как это говорится, «аппетитная» женщина, а я уже...

— Не «уже», хватит хандрить, пошли.

— Страшно как-то. Туда же вещи какие-то надо, да? Фирменные, наверное? — сестра выглядела озадаченной.

— Вещи я тебе дам, и абонемент подарю... — нахмурившись. — Я же и тебя не поздравила с днём рождения?

— Ну...

— Поздравляю, — поднимая бокал, — поздравляю, моя хорошая, — она обняла сестру, — а попу твою мы в объёмах, может, и не уменьшим, но форму точно придадим.

Оставшись в тишине квартиры, Надя вновь села за компьютер, бесцельно крутя колёсико мышки, она смотрела невидящими глазами в монитор. Видела то же изображение, что и вчера, месяц назад, год... два года. Пять.

В какой момент, смотря проходной фильм, её глаз остановился на актёре Рексе Фросте, она бы уже и не вспомнила, но набирая его имя в поисковике — она открыла ящик Пандоры.

Пять лет жизни превратились в бесконечное и беспрестанное отслеживание новых фотографий, твиттов, новостей, интервью этого актёра. Она знала всё о нём, знала такие вещи, что не знала о своей сестре или матери. И уж точно, она бы ни за что не пропустила день рождения Рекса, не забыла бы, как забыла поздравить Машу или сестру.

Надя открыла страницу в социальной сети и смотрела фотографии своих приятельниц и подружек. Их мужей. Их детей. Взрослые и совсем малыши, на руках уставших мам.

Маша в обнимку с новым другом, Михаилом, о котором и не знала Надя...

После развода, когда она пообещала себе жить на полную катушку, прошло пять лет, и ровно столько же Надежда не жила. Вернее, жила — иллюзиями о жизни.

Она работала переводчиком в преуспевающей компании, и её доход позволял ей купить не только хороший автомобиль, но и приличную квартиру — в рассрочку. Она могла себе позволить выбирать места отдыха, от курортов до диких пляжей, но выбирала отели по наличию там вай-фая. На неё смотрели мужчины, но все они требовали времени и внимания, и она остановилась на женатом любовнике, которому не нужно было ни её время, ни её внимание, а только кратковременные и ненавязчивые встречи. Она даже не могла бы сказать, что «любовница» — от слова «любовь». Она была любовницей от слова «секс», и только.

Пока она жила иллюзиями, вокруг неё жили реальной жизнью. Кто-то выходил замуж или разводился, кто-то рожал, кто-то устраивался на работу. Кто-то праздновал дни рождения и юбилеи. Про Надежду словно забыли, оставив её своим иллюзиям о жизни.

Сигнал электронной почты вывел из задумчивости Надежду, она пробежалась глазами по письму и скорее машинально открыла сайт.

Рекс Фрост должен был присутствовать на огромном мероприятии, посвящённом кино, и агентство устраивало конкурс среди фанатов. Это была ежегодная акция, и каждый год какой-то счастливице выпадала возможность пообщаться с Рексом Фростом почти один на один. Почти, потому что там же, рядом — вспышки фотокамер, шумящая толпа. Но счастливица не в толпе, она рядом... один на один. Каждый год Надежда выполняла задания, понимая бессмысленность этого. Как и в этом году. Она машинально ответила на вопросы, машинально отправила и, выключив всю технику в доме, включая телефон, легла спать.

Ей понадобилось время, чтобы приучить себя заглядывать на сайт реже и реже. Ещё больше времени ей понадобилось, чтобы оглядеться в окружающем мире и вновь попытаться общаться с подругами. Она чувствовала, словно вышла из какого-то небытия. Пока однажды,

нажимая до боли знакомую ссылку, она уже не почувствовала этого — привычного укола и замиранья сердца. От одного вида, взгляда с той стороны монитора. На неё смотрел обыкновенный, пусть и красивый, мужчина.

Выходя из спортивного зала с сестрой, довольная и уставшая, она просмотрела электронную почту, замерла, словно её парализовало.

Она — выиграла. Выиграла эти минуты наедине. Пусть и под щёлканье фотокамер. Выиграла. Мероприятие проходило в Москве. И не было никаких причин отказываться. Она — выиграла.

— Ты что, — говорила сестра, — конечно, надо съездить! Такой шанс! Ты же сама себя возненавидишь, если упустишь его!

— Знаешь, мне вроде не хочется...

— Не выдумывай, езжай! Боже мой, божечки, вот ты счастливая, самого Рекса Фроста увидишь, я бы описалась от счастья!

— Он же страшный, — ехидно возвращая ей её же слова.

— Это не помешало бы мне насрать в штаны, езжай.

Получив приглашения, она поехала. Лето подбиралось к концу, но дни стояли тёплые.

В попытке успокоить нервы, Надя накануне сходила в косметический салон, сделав все обязательные и не очень процедуры, и стояла, почти не дыша, у входа, протягивая охраннику пригласительные, практически уверенная, что это розыгрыш, что сейчас её не пустят, пожав плечами. Но её пропустили и даже проводили, показав точное направление. Она долго мялась в стороне, опасаясь подойти к другому охраннику, наконец, решившись, она сделала шаг навстречу апофеозу, как когда-то она бы подумала, своей жизни.

Шустрый человек взял её пригласительные, что-то сверил в своём листе и, убедившись, что Надежда прекрасно его понимает, быстрым шагом пошёл вдоль ограждений, показав ей на стул, где она должны была сесть. Затворы фотоаппаратов, казалось, щёлкали, не переставая, а Надежда старалась не пропускать свои выдохи, когда увидела его. Рекса Фроста. Он шёл прямо на неё и улыбался, словно бы для неё, он смотрел словно в восхищении и, подойдя, галантно поцеловал ей руку, немного задержав губы для камеры, пока она, как каменный истукан, стояла рядом.

Они о чём-то говорили, Надежда даже не поняла, что говорила она на английском. Потом в её руках появилось несколько фотографий Рекса с ней, где он обнимал её и смотрел влюблённо и преданно, с его автографами, а потом, галантно попрощавшись, Рекс ушёл, так же под щёлканье фотоаппаратов, раздавая по пути автографы и позволяя сделать фото с собой. Он был мил, любезен, красив...

Надежда в изнеможении села на стул и небрежно положила фотографии на соседний. Ей бы надо сейчас чувствовать подъём, но всё, что она ощущала — усталость. Он, Рекс Фрост, не стал ближе. Он — всего лишь идол, пусть и с глазами изумрудного цвета и мягкой, галантной улыбкой. Она покосилась на фотографии, где Рекс обнимал её, и поняла, что не помнит этого момента, не помнит... Она ничего не почувствовала в тот момент.

Даже её почти безликий любовник дарил ей больше тепла при мимолётных объятиях, чем этот чужой человек с дежурным влюблённым взглядом.

Трель сотового телефона вывела её из задумчивости, рядом стоял мужчина, он растерянно держал два бумажных стакана с кофе, и трель раздавалась явно из его брюк.

— Давайте, я подержу, — она протянула руку к стаканчику, мужчина недоумённо посмотрел на женщину рядом. Она повторила своё предложение на английском, и он,

благодарно кивнув, протянул ей горячий стаканчик.

Поговорив, отойдя на приличное расстояние, он вернулся и сел рядом.

У него была притягательная внешность, располагающая к себе. Внимательный взгляд карих глаз, который контрастировал с несколькими мальчишескими веснушками на лице, хотя он не был молод... Надежда решила, что перед ней её ровесник или мужчина постарше.

— Почему вы не на показе тизера? — спросил неожиданно. — Должны быть билеты на вип-места.

— А? — она оглядела своего собеседника, он был высок и хорошо сложен, в его движениях ощущалась сила. — Не знаю, мне неинтересно, наверное...

— Разве?

— Да... — Надежду удивляли её слова, ещё больше её удивляло, что это было правдой.

— Звёзды часто разочаровывают, — грустно улыбаясь, сказал мужчина.

Беседа быстро перетекла в другое русло. Надя сказала, что она приехала на встречу с Рексом Фростом, что живёт недалеко от этого города, и что в итоге она рада, что у неё будет пара дней на то, чтобы погулять по столице, посетить пару мест, куда она давно собиралась, да как-то дела не пускали. Рой, именно так представился новый знакомый, сказал, что приехал с командой представлять сериал, Надежда призналась, что не смотрела. Он немного рассказал о сериале, что он снят по историческим событиям, и как интересно работать над ним... По итогам они договорились встретиться с Роем на следующий день, с самого утра, и вместе погулять.

Мужчина был явно заинтересован в Надежде, и ей это нравилось, нравилось, как останавливался его взгляд на линии декольте, как он проводил взглядом Надю, когда она прошла несколько шагов, чтобы выбросить пластиковый стаканчик, и она, конечно, попыталась придать своей походке ещё больше соблазнительности. В его взгляде читалось желание, и Надежда не возражала. Она с лёгкостью могла представить его руки на своём теле, и слегка сжала бёдра в желании.

Договорившись о встрече, Рой поцеловал свою новую знакомую, у краешка губ, но ощущая её явную заинтересованность, как и она его.

Уже на выходе Надежда увидела плакат и замедлила шаг, в недоумении глядя на изображение. Рой Флеминг — ведущий актёр сериала, который он рекомендовал. Сериала, набирающего популярность, как и сам актёр.

Она поморщилась.

Приехав в номер гостиницы, она посмотрела несколько серий, где Рой смотрел на главную героиню заинтересованным взглядом, скользя по хрупкой фигурке актрисы. Его глаза смотрели выразительно и даже, наверное, пронзительно.

Так же, как час назад смотрели на Надежду. Рой Флеминг был такой же иллюзией, как и Рекс Фрост.

— Нааадья, — голос в трубке произносил её имя с акцентом, от которого хотелось улыбнуться. — Простите за поздний звонок, я хотел спросить ещё раз, не составите ли вы мне компанию?

Надя посмотрела в стену, окрашенную в молочный цвет, вздохнула, перевела глаза на панель телевизора и ответила.

— Нет, простите, но...

— Я бы хотел знать — почему?

— Я буду занята.

— Какова истинная причина вашей занятости, Надья? — Надежда снова улыбнулась.

— Звезды часто разочаровывают...

— Вам понравился сериал?

— Пока трудно сказать, я немного посмотрела, только три серии.

— Я постараюсь вас не разочаровать, Надья, — она не стала уточнять, к чему относятся эти слова. — Я бы хотел провести время в компании красивой женщины, это лучше, чем моя команда, посмотреть что-нибудь. Обычно в поездках я знакомлюсь с кем-нибудь из местного населения, — Надя хмыкнула, — да, это звучит двояко, но местные могут рассказать о своей стране или городе больше любого экскурсовода. Я подумал, может, мы погуляем, посмотрим что-нибудь действительно интересное, чем бы я мог похвастаться друзьям и фанатам? Надья?

Она помолчала.

Ей нечего было терять.

Ей нечего было приобретать.

Её сложно было разочаровать.

— Да, Рой, записывай адрес гостиницы, завтра к десяти я тебя жду.

Глава 2

Рой Флеминг оказался пунктуальным. Ровно в десять утра он уже был в просторном холле гостиницы, куда минутой позже пришла Надежда. Одета в платье из тонкого трикотажа, которое не скрывало её формы, а, наоборот, подчёркивало все, казалось бы, излишества на теле женщины, обувь на высоком каблуке, придававшая походке плавность и грацию немного ленивой кошки, и небольшая сумочка наперевес. Цепочка сумочки проходила по линии декольте, заостряя на нём внимание. Небрежный, но продуманный шаг.

— Надья, — Рой улыбнулся, и Надежда попыталась отогнать от себя мысленные образы из сериала, который вчера смотрела.

Она приехала в этот город хорошо провести время, ей выпала удача, она познакомилась с приятным мужчиной и, даже если встреча их бесперспективна в плане дальнейших отношений, ничто не может ей помешать получить удовольствие от общения с этим мужчиной.

— Здравствуй.

Они немного поговорили и, вызвав такси, отправились по месту назначению.

— Ты кажешься немного удивлённой, почему?

— Да, я удивлена, не скрою. Рой Флеминг со мной в такси, — она засмеялась, и мужчина улыбнулся в ответ на искренний приглушённый смех.

— В этом нет ничего удивительного, но я рад, что это радует тебя. Радует?

— Да, — после паузы. Надежду радовали и душные пробки мегаполиса, и приятный голос Роя, и его карие глаза, и то, как он улыбался — широко, расспрашивая о стране или самой Надежде, называя её Нааадья.

Не хотелось глухих стен музеев и галерей. Последние дни лета были тёплыми, солнечными, с лёгким, словно обволакивающим ветром и невероятно высоким небом с линиями перистых облаков.

Они решили поехать в Усадьбу, полузаброшенную, с полудиким парком, не обустроенным ближе к окончанию литой чугунной изгороди. Было немногочисленно, и Надя с удовольствием вкушала и этот на редкость солнечный день, и общение с собеседником. Рой с нескрываемым интересом рассказывал о своей работе, она не часто видела такую заинтересованность в своём виде деятельности, впрочем, не так и часто Надежде приходилось общаться с творческими людьми.

Гладь газона убегала вниз, к искусственному пруду, где родители с малышами с энтузиазмом кормили уток, а корявые стволы деревьев простилались над водой, словно любуясь своим отражением в гладе воды.

— Это удивительная картина! — воскликнул Рой. — Удивительно!

Надежда смотрела на пруд вдаль, на огромный раскидистый дуб и на мужчину на ровной зелени — высокого, поднявшего руки вверх, который с каким-то мальчишеским задором крутился на одном месте, то ли смотря на небо, то ли на свои руки.

— Надя, иди сюда, — Надежда подошла, улыбнувшись, снова почувствовав это — желание прижаться к этому мужчине, — кружись, — он поднял её руки вверх, — не бойся!

И она стала кружиться вокруг себя, глупо, смотря в небо, шурясь от яркого света, потому что сняла солнцезащитные очки, смотря на синее — небо, край зелёного — газон, тройной, объёмный, густо-зелёный — дуб.

Рой небрежно бросил на траву куртку и усадил Надежду, у которой немного кружилась голова, облокотив её голову себе на плечо. Они сидели так какое-то время, возможно, слишком долгое, молчаливое, не гнетущее. Надя слышала его сердце, которое билось гулко и, казалось, не всегда ровно, как и её тоже. Небольшого участка соприкосновения кожи с кожей было достаточно, чтобы стало очевидно то, что было ясно ещё вчера — Надежда испытывала острое желание рядом с этим мужчиной, притяжение. Она ловила себя на неровном дыхании и смотрела вдаль, не давая воли своему слишком услужливому воображению. Рой убрал светлую прядь с её лица, задержавшись подушечками пальцев на щеке, ненадолго, но Наде хватало, чтобы она почувствовала потерю тепла мягкой кожей и подалась вперёд, за ощущением этого тепла, вдруг смутившись этого.

Надежда с удовольствием бы поддалась своему желанию, тем более, оно было взаимным, это ощущалось явственно. Во взглядах, прикосновениях, дыхании. Но наблюдая себя словно со стороны, она не могла избавиться от ощущения какой-то абсурдности ситуации, в которую она попала.

Тёплый летний день. Синий с перьевым белым. Объёмный зелёный. Она и Он.

Он — известный, как оказалось, актёр.

— Это немного похоже на кино, — Надя.

— Что?

— Происходящее. Ты, я, дуб...

— Возможно, я когда-нибудь сниму такое кино, — его рука словно машинально гладила по плечу женщины, опускаясь до локтя, там, задевая пальцами тонкую кожу на сгибе, останавливалась, и тут же поднималась обратно, к шее.

— Снимешь, сам?

— Да, у меня есть несколько фильмов.

— Каких.

— Их не было в российском прокате, у них в принципе был ограниченный прокат, мне просто было интересно это сделать.

— Что тебе больше нравится, сниматься или снимать?

— Трудно сказать, всё зависит от обстоятельств, нюансов, от деталей проекта.

— Тебе нравится сниматься в сериале?

— Да, это изнуряющее, но мне определённо нравится.

— А мне определённо нравится смотреть этот сериал, — Надя улыбнулась.

— Сколько серий ты посмотрела?

— Пять.

— Пять? — заглядывая в лицо женщины, которая отвела глаза.

Накануне, когда она дала согласие на встречу, она посмотрела ещё две серии, и там, в пятой, главный герой наконец-то добивается близости с героиней. Всё происходящее на экране буквально заворожило Надежду. Её непорочность и его напор, её страх, смешанный с чувственностью, и его страстность. То, как он целовал, спина, ноги, ягодицы... всё это заворожило Надежду.

— Да, пятая серия... очень чувственная.

— Её долго снимали... было много дублей.

— Ты, наверное, устал от подобных разговоров, — она отвела глаза.

— Нет, людям интересен процесс съёмок, женщинам, — помолчал, — пятая серия, и они спрашивают. Я отвечу на любой твой вопрос, ты не представитель прессы, так что...

Надежда подумала, что её не слишком интересует процесс съёмок подобных сцен, хотя результат, вне сомнений, превосходил любые ожидания.

Это был долгий, насыщенный впечатлениями день. Они гуляли по старому парку, посетили усадьбу, где две школьницы, кажется, узнали Роя и какое-то время заворожённо провожали его глазами. Прохаживались по старым мощёным улочкам, Рой покупал сувениры у торговцев и, смеясь, фотографировался в солдатской ушанке.

К вечеру они зашли в ресторан, и в полумраке освещения Наде казалось, что она больше не в силах сдерживать своё желание и притяжение к этому мужчине. Какой бы абсурдной ни была ситуация — Надежда находилась внутри неё.

В такси, когда Надя продиктовала адрес своей гостиницы, когда стал мелькать хоровод огней большого города, когда её голова удобно устроилась на плече Роя, а уставшие ноги были перекинута через его ноги, и руки мужчины легко поглаживали тонкую кожу запястья или за мочкой уха, она уже не могла сдерживать своего прерывающегося дыхания.

Хватило лишь небольшого прикосновения, когда пальцы Нади пропустили сквозь себя густые и оказавшиеся на редкость мягкими волосы, чтобы Рой сделал это — поцеловал Надежду. И вселенная в её личном пространстве взорвалась на миллиард частиц.

Надя боялась, что ещё немного, и она перестанет контролировать себя, начнёт вести себя, как изголодавшаяся по ласкам нимфоманка. Даже не сразу поняла, что такси уже стоит какое-то время, и водитель терпеливо ждёт, когда клиенты перестанут целоваться.

— Пригласи меня, Надья. Позови.

— Ты хочешь? — Надежда не отдавала отчёта своим словам, было более чем явственно видно, что мужчина хочет.

— Невероятно. Позови, Нааадья. — «Наааадья» звучало убедительней любой речи.

Она хотела этого мужчину. Она хотела эти губы. Эти руки. И слышать это «Наааадья».

— Пойдём, — легко потянула.

Преодолев преграды из просторного холла, администратора гостиницы, лифта и длинного коридора, они зашли в номер. Такой, каким его оставила с утра Надежда.

Двухспальная кровать по центру, ряд светильников вдоль панели ПВХ на стене, украшенной искусственной зеленью, тумба под ТВ, большое зеркало — напротив кровати.

— Тут всё просто, — прошептала Надежда.

— Здесь есть всё, что мне необходимо, — его глаза прошлись по женщине в тонком трикотаже, задержав взгляд на линии декольте, а потом — на узеньком ремешке, который подчёркивал её талию и широкие бедра.

— Я в душ, — Надя махнула рукой в сторону и, быстро взяв упаковки своего, она не любила «казённые», шампуня и геля, пошла в сторону ванной комнаты.

Душевая кабина была большой, струи били прямо в кафельный пол и стеклянные стены, и смывались вместе с ароматной пеной.

Она поняла, что не одна в помещении, медленно повернулась и смотрела на то, как оглядывает её Рой, рассматривает, смакует. Она поймала его взгляд на груди и легко провела по ареоле и соску. Она не была уверена в своей неотразимости, отнюдь, но так же за годы вне брака научилась не стесняться своих форм, вероятно, сейчас не модных, и никогда не скрывала их. Если мужчина оказывался с ней наедине — значит, его определённо устраивали и объём, и содержание. Так что она позволяла воде смывать остатки пены и разглядывала, в свою очередь, Роя. Он был уже босиком и без рубашки. Сейчас Надя могла воочию убедиться, что он действительно снимался без дублёра. Рельеф рук, пресса и косой мышцы живота притягивал взгляд.

— Мне говорили, что русские женщины красивы, но я не полагал, что настолько, — быстро расправляясь с джинсами, снимая их вместе с бельём, вставая под те же струи воды.

От соприкосновения тел Надежда вскрикнула, смешав свой крик с немного хриплым «Нааадья».

Надежда попыталась взять в руку гель и пройтись пеной по телу Роя, но всё закончилось тем, что она опустилась на колени и, мотнув головой на возражения. Вкус геля для душа смешивался с водой, но это было неважно, когда почти в забытьи Надежда поняла, что её несколько раз обмакнули махровым полотенцем и вынесли на большую кровать.

Она быстро вывернулась и не позволила мужчине войти в себя сверху. Сверху была она — и любовалась. Её острое наслаждение было перемешено с каким-то, почти эстетическим, удовольствием от того, что видела она перед собой: глаза, следящие за реакцией Надежды, ставшие из карих почти чёрными, мужские руки у себя на груди, а потом на бёдрах или животе, силу в теле, которое покорно принимало темп Надежды, давая ей получить удовольствие, насладиться, вкусить, насмотреться. Пока не качнул бёдрами навстречу раз, другой, третий, ускоряя ритм и силу толчков, словно амплитуду колебаний, перенося Надежду в эпицентр этого землетрясения.

Утром Надежда с трудом открыла глаза под звон будильника, поведя немного ногами. Прошедшая ночь была едва ли не самой лучшей и самой шальной за всю её жизнь. Казалось, Рой не просто восхищался своей новой нечаянной знакомой, казалось, он боготворил её или даже влюбился на те часы, что они провели вместе. Он гладил, стонал, прикусывал, он бесконечно говорил, насколько она восхитительна, но громче всех комплиментов звучало сдавленное «Надья», когда он входил в неё, медленно или быстро, глубоко или поверхностно, сверху или снизу... Он говорил это «Надья», и Надежда целовывала с его губ этот звук, как самый изысканный деликатес.

Сейчас она сидела на кровати, накинув на плечи смятую простыню, и смотрела, как удивительнейший мужчина уходит из её жизни навсегда. Есть время труду, есть время

сказке... её сказка закончилась.

— Я найду тебя, Надья.

— Не надо, не говори так.

— Почему? Я найду тебя, Надья.

— Хорошо, — она изобразила подобие улыбки, — удачно добраться домой, — поправляя волосы.

— И тебе, — он вышел за дверь, но не успела она закрыться, как открылась снова, и Рой стоял на пороге и внимательно смотрел на женщину перед ним. Одним движением он расстегнул кнопки на рубашке, одним движением подошёл к постели и одним движением прижал обнажённую Надю к себе. Это было не три, а одно движение, стремительное и плавное, как у его героя.

— Я найду тебя, — он целовал её долго, несмотря на то, что дважды звонил телефон

— диспетчер такси, — найду.

— Хорошо, — Надя просто улыбалась, вдруг поверя, что найдёт.

Потом она ещё сидела какое-то время в ожидании, что сейчас откроется дверь, войдёт Рой, но этого не произошло. Трель телефона заставил поёжиться, Надя юркнула под одеяла и ответила на звонок сестры.

— Я переспала с ним!

— С Рексом Фростом? — после продолжительной паузы.

— Каким Рексом? — словно он не значил так много в её жизни ещё пару месяцев назад. — С Роем Флемингом...

— Ой, — сестра помолчала, — с тем самым Роем Флемингом? Тем, самым-самым?

— Я знаю только одного... верней, я не знала, кто он, понимаешь? Как в кино или книжке. Я сижу, и тут он идёт со стаканчиками кофе, у него телефон играет мелодию... такую, знаешь, — Надежда с воодушевлением и под смех сестры напела мелодию, ни у кого в этой семье не было слуха, но это не помешало сёстрам понять друг друга. — И я ему говорю, давайте, стаканчик подержу...

И Надя рассказывала и рассказывала, пока краем глаза она не столько смотрела сериал, сколько любовалась главным героем, её Роем Флемингом, пока на чём-то не задержался её взгляд. На знакомом. Жесте. Взгляде. Повороте головы.

— Я найду тебя, найду, — сказал хрипло, с долей отчаяния и острой влюблённости главный герой, а потом одним движением, плавным, но сильным, прижал к себе героиню.

Глава 3

Надя не сразу проснулась и поняла в чём дело, когда среди ночи её разбудила мелодия сотового телефона. Кое-как нащупав аппарат, она ответила:

— Алё.

— Надья, — услышала в ответ. Знакомое, до желания поморщиться.

— Рой? Сейчас ночь!

— Ночь? Прости, я не подумал о часовых поясах.

— Ничего. Что ты хотел, Рой?

— Надья, почему ты не добавляешь меня в контакты?

— Какие контакты?

— Я сказал, что найду тебя... посмотри инстаграм, твиттер и...

— Ты представляешь, сколько рекламы или спама приходит ежедневно?

— Надья, я, — и он назвал свой ник.

— Кого смотреть?

Рой ещё раз продиктовал.

Они обменялись контактами, и Надя даже набрала соответствующий набор букв — но не стала нажимать «добавить» или «подписаться».

Это показалось лишним. Спустя несколько недель она сознательно забыла эти буквы.

— Откуда ты звонишь? — Наде стало интересно, и было невероятно приятно от голоса на том конце «провода» — связь давно беспроводная. Роя было слышно так, словно он был рядом, на этом же разложенном диване, на соседней подушке.

— Штаты. Лос-Анжелес.

— О, ты живёшь там? Читала, что...

— Нет, по работе, мой дом в Европе, но я настолько часто перемещаюсь по миру, что начинаю забывать, где мой дом.

— Тяжела и неказиста, — сказала на русском, усмехнувшись.

— Что ты сказала?

— Спросила, какая погода в Лос-Анжелесе.

— Тепло, здесь тепло.

— Ясно, — Надежда перевела взгляд на окно, на стекающие капли дождя и срывающиеся под порывами ветра листья. Золотая осень в этом году решила обойти центральную полосу России.

Надежда лениво перекатилась на широком диване и провела пальцами по дорожке волос на мужском теле, убегающей под бязь простыней.

— Ты собралась?

— Да, конечно, я, как пионер — всегда готова.

— Это я с тобой всегда готов, — легко обнял, — ох, Надежда, у нас будет время побыть вдвоём, ты рада?

— Конечно, — оглядев своего любовника, — почему я должна быть не рада?

— Ты немного отстранённая в последнее время.

— Не выдумывай.

— Я выдумываю?

— Уфу...

— Мне не о чем волноваться? — смотря внимательно.

— Ну... повод для волнения всегда можно найти, а если не найти, так придумать, но в твоём случае это не только нерационально, но и глупо. Поволнуйся о своей жене... что ли.

— Не вижу причин волноваться о ней.

— А ну как... пока ты тут, со мной... — полушутливо.

— Не выдумывай, — отрезал.

— Или она узнает о нас.

— Не узнает. Я не позволю.

— Может, я скажу...

— Наадь, — совсем не «Надья», — ничего ты не скажешь. Не посмеешь.

— Грозный. Прямо Иван. Испугалась, сил нет, — ныряя под простынь с головой, — ооо, а чёй-та мы такие смоооорщенные? Страааашно, да?

— Нет, не страшно, ты же знаешь, что я могу сделать с тобой, твоей репутацией и...

— Перестань угрожать, это выставляет тебя не в лучшем свете, — смеясь, — к тому же, твоя жена совсем не дура, хотя тебе приятно так думать о ней, уверена, она всё знает.

— Что она может знать? — небрежно, отчего Надежда поморщилась.

— Всё. О тебе, обо мне, о нас, о той, что была до меня, и что будет после...

— Не было у меня никого.

— Мне не ври, — отрезала, — я в этом не нуждаюсь, как и в твоих угрозах. Я молчу, потому что меня всё устраивает, перестанет устраивать — отправлю тебя дальше, чем Макар телят гонял, а угрозами своими практиканток пугай, которые на тебя масляными глазами смотрят.

— Всегда по существу... Надежда, — усмехаясь, видимо решив не будить лихо, пока оно тихо.

— Да.

— Раз да, то давай-ка встань к добру молодцу задом.

— Тебе уходить надо.

— Задержусь, давай-давай, не зажимайся.

— Хамливый ты.

— Тебя заводит, — смеясь.

— Да как скажешь, — ехидно.

Уже в дверях.

— До встречи в аэропорту.

— Пока.

Вена встретила проливным дождём, с градом. Удивительно было то, что самолёту разрешили посадку. Номер в гостинице был просторным, светлым, с прекрасным видом, смотреть на который не возникало желания.

— Может, пройдёшься по магазинам? — протягивая пластиковую карту. — Сделай себе приятно, купи что-нибудь, лимит ты свой знаешь.

Надежда взяла карту и отложила, слегка морщась, на тумбу, рядом с большим зеркалом, в котором отражалось её, немного уставшее, лицо.

Рейс сначала задержали на вылете, потом Вена какое-то время не давала посадку, Надежду уже порядком тошнило, она чувствовала головокружение и слабость, когда они наконец-то заселились — каждый в своём номере. Железное правило — каждому свой номер, — было установлено Сергеем, но полностью устраивало и Надежду. Ей нравилось побыть одной, в тишине, почитать новости или книгу, посмотреть телеканалы местного телевидения, не терпела она присутствия Сергея и когда одевалась на встречу или гулять.

Уснув сразу по прилёту, не потрудившись смыть косметику и переодеться, в итоге, она сидела не в лучшем своём виде и смотрела сонными глазами на любовника и руководителя в одном лице.

— Что хмуришься? Не люблю я эти шопинги, а тебе не мешает развеяться, завтра ты должна быть в рабочей форме.

— Буду, ты знаешь.

— Знаю и за это ценю, но лучше подстраховаться... сходи, прогуляйся. У меня дела.

— Дела у него, — про себя, — ещё моложе дел найти не мог?

— У тебя слишком богатое воображение, Надя. У меня действительно дела, этот контракт важен, так что... а ты развейся.

— Как скажешь, — покрутив пластик, — лимит я знаю, не волнуйся.

Она знала, сколько и когда она могла потратить с карты любовника, знала, когда можно ему звонить, когда говорить с ним, а когда исчезать из его жизни, подобно эфиру.

Прогуливаясь по городу под мелким дождём, она зашла в кофейню. И заглянула в сообщения, от нечего делать. Она всё так же заходила на сайты Рекса Фроста, но делала это не так часто, как раньше, ссылаясь на занятость для своих товарок и приятельниц. Иногда она отслеживала новости о Рое Флеминге, но старалась не погружаться слишком в его жизнь. Тем более, у неё была практически эксклюзивная возможность узнавать новости первой... не все, как понимала Надежда, но определённо она была в курсе некоторых событий из жизни Роя, которые были неизвестны рядовому зрителю.

Их общение было не частым и не навязчивым, скорее осторожным. Деликатным. Надежда никогда не спрашивала о личном Роя, как и он её, но с удовольствием слышала его рассказы о работе, племянниках или домашнем питомце. К удивлению Надежды, в питомцах у Роя Флеминга была огромная красноухая черепаха, которую ему подарила фанатка, он уже забыл и имя этой девушки, и обстоятельства, но черепаха так и жила у Роя, ела с рук креветки и ходила по пятам за хозяином, как щенок — правда, неповоротливый и неспешный.

Он затруднялся сказать пол или имя черепахи, называя её (или его) просто черепаха. В дни, когда Рой снимался или уезжал по работе, черепаха жила у родителей или в семье брата Роя — Свена. В общем-то, черепаху можно было бы назвать скорее питомцем Свена, но Рой был уверен, что черепаха его. Похоже, никто ему не возражал, Надя — тем более.

Она отложила телефон в сторону и взяла кружку горячего кофе. Сигнал телефона оторвал её от вида на улицу через потёки на стекле.

— Надья?

— Здравствуй, Рой, — улыбаясь, вспоминая улыбку мужчину.

— Никак не привыкну к твоему акценту...

— А я к твоему, — засмеялась приглушённо.

— Ты в Вене? Почему ты не сказала, что едешь в Вену?

— В Вене? Откуда ты знаешь? — она даже оглянулась, на всякий случай.

— Фото, у тебя появилось фото, двадцать две минуты назад...

— Вовсе не обязательно, что это свежая фотография, я уже бывала в Вене.

— Посмотри внимательно на табло, слева, и ты поймёшь, Надья! Надолго ты в Вене?

— Эм, — для чего скрывать, что она здесь? — На четыре дня. Это рабочая поездка, но сейчас у меня отдых...

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— Нет определённых планов, а что?

— Я хочу пригласить тебя на показ.

— Показ? Чего? Когда? Ты в Вене?

— Как много вопросов, Надья, — она услышала смех. — Да, я в Вене, только прилетел... нас долго не пускали. Нелётная погода. Это очень маленький показ, закрытый. Мой брат — оператор документального кино.

— Да, ты говорил, — вспоминая, что рассказывал Рой о своей семье и брате.

— Он очень увлечён этим проектом, они снимали больше года... я здесь, чтобы поддержать его.

— Мне неудобно, Рой, может быть, в следующий раз? Я ничего не понимаю в кино, тем более документальном.

— О, я расскажу тебе, это увлекательно.

— Но там будет пресса?

— Будет... да, конечно будет, это мероприятие освещается, но... я не понимаю, в чём проблема, Надья?

— Хм, — она помолчала, пока Рой на том конце провода терпеливо ждал, когда Надя решится на что-нибудь.

— Рой, что я должна надеть? Боюсь... я не готова.

— Это простое мероприятие, так что уместна любая одежда, может быть, кроме... вечерних нарядов.

— У меня нет таких нарядов, — улыбаясь.

— Совсем?

— Ты, наверное, очень плохо представляешь себе мою жизнь, Рой. Мне не нужны такие наряды.

— Наверное. Так, что? Ты придёшь? Обещаю, если станет невыносимо скучно — мы сбежим.

— Обещаю, если станет невыносимо скучно — я не подам виду.

— Какой показ? — Сергей ходил по номеру и кидал в недоумении взгляды на Надежду.

— Документального кино.

— Это бред какой-то... давно ты стала экспертом в мире киноиндустрии?

— Сегодня, — небрежно.

— Кто тебя туда пригласил?

— Никто не приглашал, билеты на улице дали.

— На закрытый показ?

— Да.

— Так пошли вместе.

— Нет.

— Надежда, что это за фокусы, в конце концов? Что ты хочешь доказать или добиться? Ты прекрасно знаешь, что я не люблю магазины, но я ведь дал тебе карточку, мы часто выезжаем, гуляем... что это за детский сад? Что за глупая ревность?

— Не говори ерунды.

— Ерунды? Мы приезжаем в Вену, и вместо того, чтобы провести вечер со мной, как я и планировал, ты идёшь на какой-то дебильный показ какого-то дебильного, документального кино!

— Проведи это время с Олесей, — разворачиваясь на пятках.

— А! Вот оно, всё-таки ревность! Как я и думал. Наденька, мне приятно, что ты меня ревнуешь, на самом деле приятно, но ты ведь не станешь портить нам отдых из-за глупой девчонки, даже если...

— Даже если?

— Нет, я дразню тебя, а ты поверила, глупая. Конечно, ничего у меня не было с Олесей.

— Это твоей жене нужно волноваться, мне-то что. Она такая же любовница, как и я! — откуда-то взялась обида.

— Не такая же...

— По Фрейду оговорился, Серёжа, — отводя в раздражении глаза.

— Ты же умная женщина, Надежда. Всё понимаешь... молодая девчонка, свежачок, не сдержался. Но как ты, шикарная, умная женщина, можешь опускаться до ревности к какой-то соплюхе? Надежда, она и рядом с тобой не стояла. Да тебе равных, ни в постели, ни в работе — нет!

— Ой, всё! — наигранно хватаясь за сердце. — Не ревную я, так, противно немного. Кто тебя за язык тянул, Сергей? Я одеваюсь, выйди, пожалуйста, ты знаешь, я не люблю, когда ты в номере...

— Значит, идёшь всё-таки?

— Иду.

— Наказываешь?

— Думай, как хочешь.

— Я тогда с Лесей...

— Давай. Она заплывать-то умеет? До корешка? — прищурился глаза, наклонив голову вбок, смотря немного, самую малость, зло.

— Нет, молодая ещё, откуда, — так же скабрёзно в ответ.

— Вот и поучишь, молодым везде у нас дорога...

— А старушечкам везде почёт.

— Ох и договоришься ты, Серёжа.

— Больше похоже на то, что ты договоришься.

— Иди-ка ты!

— Не пожалей, — вышел.

Надежда не начала жалеть или раскаиваться. Сергей устанавливал правила, и Надежда всегда следовала им, пока это не шло в разрез с её интересами. Тогда он становился невыносимым — опускался до угроз, которые были пусты и только сотрясали воздух, и, первое время, нервы Нади. Сейчас она приняла, как должное, плеяду «Олесь» и не придавала значения небольшим «прыжкам налево» своего любовника. Беспокоиться об этом должна была его жена, а не Надежда.

Рой предложил прислать машину или заехать за Надеждой, но она решила добраться сама. Такси в городе ходило исправно, так что в назначенное время она стояла у стеклянных дверей и благополучно прошла внутрь помещения, минуя несколько фотографов и корреспондентов, которые спокойно пропустили Надежду, видимо, решив, что женщина не представляет интереса. Она разглядывала чернобелые фотографии и ходила в одиночестве по фойе, когда увидела Роя.

Он стоял в отдалении с таким же высоким мужчиной и о чём-то увлечённо разговаривал. Его взгляд неспешно прошёлся по Надежде, останавливаясь на линии декольте и бёдрах. Этот взгляд говорил о заинтересованности мужчины, Надежда не могла ошибаться. Она взмахнула рукой в знак того, что увидела своего визави, и пошла ему навстречу, медленно покачивая бёдрами, с грацией немного ленивой кошки.

— Надья, я рад нашей встрече.

— Я тоже, Рой.

— Позволь представить тебя, — он деликатно взял Надежду под локоть — она тут же ощутила желание более интимных прикосновений, — и подвёл её к высокому мужчине.

— Это мой брат, Свен. А это Надья, мы познакомились в Москве, — всё это Рой сказал на английском, для Надежды, а потом на немецком, для Свена.

— Я не очень хорошо понимаю английский, — пояснил Свен.

Рой стоял немного в отдалении от Надежды, не пресекая её личного пространства. Речь вокруг была, по большей части, непонятна, люди малоинтересны, кто-то подходил, говорил пару слов и сразу отходил. Надежда иногда улыбалась, иногда смотрела заинтересованно, но начинала скучать.

В темноте кинотеатра, с удовольствием сев в удобное кресло и вытянув уставшие ноги, она почувствовала тёплые пальцы Роя на своей шее, за ухом, он едва касался тонкой кожи, потом она ощущала дыхание у своего уха.

— Нааадья, — он провёл по шее, ниже, к линии декольте, вдоль тонкой золотой цепочки.

— Что ты делаешь? — так же тихо, под звук гремящей музыки.

— Хочу поцеловать тебя.

— Здесь?

— Мы на последнем ряду, это места для поцелуев, Надья...

У Надежды сбилось дыхание, она видела отблеск света от экрана на лице Роя, блеск его карих глаз и улыбку и пыталась взять себя в руки, а не накидываться с поцелуями на этого человека. Руки мужчины не помогали выдержке Надежды, когда, слегка надавливая, прошлись по её ноге, потом другой.

Выходя на яркий свет, немного шурясь, она увидела Свена, он посмотрел на Роя и демонстративно провёл пальцем у своей губы. Надя бросила взгляд и засмеялась. След яркой помады вряд ли мог принадлежать актёру.

— Тебе понравилось?

— Фильм?

— Да, фильм, — Рой по пути перекидывался парой слов то с одним, то с другим человеком. Иногда фотографировался, обнимая женщин или мужчин.

— Это было концептуально.

— Что? — Рой остановился, в удивлении глядя на Надежду.

— Рой Флеминг, откуда я могу знать, понравился ли мне фильм, если я не поняла, о чём он? Я не знаю немецкого. И я не понимаю ничего в кино... К тому же, ты отвлекал меня. Не мне понравилась штора на окне... очень одиноко.

— Да, в этом и есть смысл. Этот фильм об одиночестве. Этот ракурс и ещё несколько, я сейчас расскажу, и есть основные акценты в работе Свена.

Рой не стал дожидаться окончания пресс конференции и, поговорив с братом, вышел вместе с Надеждой.

— Нас сфотографировали.

— Я видел.

— Это создаст тебе проблемы?

— Какие? Меня фотографируют с большим количеством людей, это просто пара фотографий с показа фильма моего брата. Если бы твоё присутствие создавало излишние проблемы, я бы предпочёл встретиться с тобой после показа, ночью...

— Ночью?

— Определённо. Надья, я часто вспоминал тебя, хотел повторить тот день и ту ночь. Наша встреча произвела на меня впечатление. Вероятно, это звучит, как штамп, цитата... но я так часто вспоминал о тебе, что кажется, становился одержимым тобой.

— Перестань! — Надя всматривалась в мужчину рядом и отказывалась верить, да и кто бы поверил?

Не она. Определённо — не она. Не женщина, выросшая из сказок настолько давно, что даже Гофман не пугал её, как когда-то в детстве.

— Почему?

— Мы можем просто провести время вместе? Просто поговорить или заняться сексом, но не обманывать и не обманываться? Мне не семнадцать лет, я не нуждаюсь в этом. Поэтому, пожалуйста, не усердствуй так...

— Это пугает тебя?

— Скорее злит.

— Злит... хорошо, я кажется, понял. Если бы я не был Роем Флемингом, ты бы поверила, что я вспоминал тебя? Думал настолько часто, что это удивляло даже меня.

— Нет, Рой, не поверила... но спасибо за попытку... это бессмысленно, неужели нельзя просто провести время...

— Надья, я хочу провести с тобой вечер и ночь, хорошую ночь, поэтому я больше не стану говорить тебе ничего. Что бы ты хотела увидеть?

— Я хочу увидеть огромный бигмак, представляешь.

Рой засмеялся, и возникшее было напряжение спало. Надежда уже жалела о своей вспышке и грубости, но... она прекрасно помнила «я найду тебя».

Она смотрела сериал, в котором Рой играл главную роль, и в словах героя было столько же пылкости и откровенности, как и в словах Роя в полумраке Австрийского вечера. Она не знала, играл ли Рой или настолько вжил в роль, что верил сам себе — она верить не собиралась.

Они взрослые люди, и если без излишнего энтузиазма подойти к ситуации, то возможно получить удовольствие от этого общения.

Тем более сейчас, когда руки Роя так настойчиво ласкают грудь Нади, пробираясь под кружево.

Откинув голову, она принимала ласку, проводя своими руками по мужской груди в ответ. Она ощущала невероятное притяжение рядом с этим мужчиной и чувствовала такое же в ответ — оно было настолько концентрированное, что, казалось, воздух вокруг становился разряженным.

Надежда не очень долго думала, когда сказала таксисту адрес своей гостиницы.

— Мне будет так комфортней, — объяснила она Рою. Она чувствовала себе комфортней, имея под рукой привычные средства гигиены и смену белья.

Полупустое фойе встретила удивлённым и словно узнавающим взглядом персонала, который промолчал, деликатно продолжая заниматься своими делами.

В дверях номера Рой больше не сдерживал себя, с удивительной лёгкостью и настойчивостью он поднял Надежду, под хриплое «Нааадья», и опустил на кровать, придерживая одной рукой две её руки.

— Восхитительная, — прошептал влажными губами, смотря сверху вниз.

Надежда не переставала восхищаться мужчиной рядом с собой, вероятно, его реальный образ легко сплетался с образом его героя, в его словах, жестах, взглядах... И Надежда любовалась оживающим на её глазах мифом о прекрасном и благородном герое.

Его глаза сверкали, волосы упали на лоб, пульс бешено колотился, когда она сказала, немного хрипло:

— Не жди, я не хочу ждать, — оставляя след у него на ягодицах.

Её кружило не на кровати, нет, в невесомости. Она цеплялась за плечи, поясницу, она

потеряла себя и стыд, потому что под его взглядом не было месту стыду. Оставалось только незамутнённое, концентрированное восхищение.

— Надя, — Надежда открыла глаза, — Надь, в чём дело? Переговоры через два часа, ты спишь, — Сергей стоял у кровати, — давай, вставай, — протягивая руку. — Погоди... а почему у тебя вода шумит в ванной?

Надежда покосилась на небольшой диванчик, где все ещё лежала одежда Роя.

— О, как...

— Как-то так, — пожала плечами.

— Похотливая шлюшка.

— Не без этого. А теперь выйди отсюда, через тридцать минут я буду готова.

— Нееееет, дорогая моя, я должен увидеть этого красавца, который имел тебя... или ты его? А?

— Выйди.

— Что такое, стесняешься? Урод? Или заплатила мальчику? Ай-ай, Надежда Валерьевна... как же так? По доброй воле уже не котируешься?

— Как скажешь, а сейчас выйди, — в тот момент, когда Сергей дёрнул на себя Надю, вышел Рой, в полотенце. Только в полотенце. Было отлично видно его телосложение, рельеф мышц и внимательный взгляд карих взгляд.

— Надья?

— Всё хорошо.

— Всё хорошо? — Сергей смотрел во все глаза. — Это? Это тот, о ком я думаю? Я же не ошибаюсь?

— Не ошибаешься, а теперь выйди.

— Выйти? Мне выйти? Тебя имеет какой-то актёришка, а я выйди? — Сергей заводился не на шутку, пока Рой спокойно одевался.

Пока не ощутил крепкий захват и толчок в сторону двери.

— Надья, я сейчас, — выталкивая Сергея под смехок Надежды.

— Кто это, Надья?

— Эм... любовник.

— В каком смысле?

— У него есть жена... у нас это называется любовник.

— Надья, так поступать нехорошо...

— Ой ли, — по-русски, — офигетушки, — так же на русском. — Ты ни разу не спросил, замужем ли я, тебя это не беспокоило, откуда такая щепетильность? — продолжая на английском. — Я тоже не спрашивала твоего положения.

— У тебя нет кольца. И я не женат, тебе это известно... должно быть известно.

— Как же вы, европейцы, любите формальности. Нет кольца — я могла потерять кольцо или просто не носить, или оно мне могло стать мало.

— Как? Можно заказать другое, Надья.

— Есть кольцо — есть отношения. Нет отношений — нет кольца. Так?

— Серьёзных отношений — да.

— О, боже... — смеясь, — ты такой славный, Рой. Я не замужем, ты прав. А вот про тебя точно не знаю.

— Нет, — он покрутил руками, — ничего подобного.

— Вот и отлично, а сейчас мне нужно собираться, прости.

— Мы увидимся ещё, Надья?

— Ты хочешь этого?

— Да.

— Значит, увидимся, почему нет... — не очень-то веря.

— Надья, то, что происходит, странно, я пока не могу дать этому определение, но я хотел бы ещё встретиться с тобой.

— Хорошо, хорошо.

— Я позвоню тебе, и мы решим — когда, ладно?

— Ладно, — пожимая плечами, изо всех сил стараясь выглядеть равнодушной или хотя бы спокойной.

Потому что, глядя на этого высокого мужчину, который спокойно выставил за дверь её любовника и так же спокойно говорит, что он хочет встретиться с ней ещё раз, всё, что хотелось Надежде — это завизжать, по-девичьи громко, и броситься с размаху на шею Рою, посекундно целуя и шепча, что она тоже хочет встретиться, очень хочет. Очень.

— Но, Надья, не надо разрушать чужую семью, это нехорошо.

— Я не разрушаю, правда.

— Нет?

— Нет, — спокойно.

Надежда не разрушала семью Сергея, он сам прекрасно с этим справлялся и не видел этого. Вероятно, и сама Надежда не видела чего-то, как и любой человек, как и Рой — герой ли сериала или актёр.

Глава 4

Столы, сдвинутые так, чтобы получился один, были заставлены лёгкими закусками, салатами из кулинарии соседнего магазинчика, пиццей и наборами из суши-бара.

— Надежда Валерьевна, сколько вкусного!

— Есть-то как хочется... где начальство? Там тоооорттик, — худенькая секретарь, с тоской глядя на огромный торт, украшенный шоколадом, орехами и фруктами.

— Сказали — едут-с, — ответила Надежда Валерьевна, полушутливо. — Ай, да ладно девочки, давайте начинать, — протягивая руку к бутылке шампанского, как раз, когда открылась дверь в просторное помещение.

— С днём рождения, Надежда Валерьевна, — Сергей и ещё один руководитель. Начальник собственной службы безопасности.

После дежурных слов и пожеланий, дружного опустошения праздничного стола и холодильника с алкоголем, когда офис опустел, Надя прошла в свой небольшой кабинет. Рабочий стол, стеллажи с документацией, маленький кожаный диван. Мягкий, обволакивающий комфортом. На столе стояла огромная, вычурно огромная корзина алых роз, одинаковых, словно калиброванных, источающих немного удушливый, но приятный аромат.

— Серёжа, не надо было...

— Почему же?

— Немного чересчур, ты не находишь?

— Наденька, не бывает чересчур, если речь о тебе.

— Серёжа...

— Всё, давай не будем спорить, поехали в ресторан, посидим, поговорим, отметим.

Надя посмотрела на Сергея. Он был подтянут, спортивного телосложения, приятное лицо и начинающие седесть светлые волосы.

— Поехали, бери свой чудо-подарок, — в сторону корзины, — и пошли.

— Это не подарок, — подавая пальто, помогая надеть, — подарок будет чуть позже, — целуя вскользь в губы.

— Заинтригована, — Наде постепенно передавалось шутливое, даже немного озорное настроение Сергея.

Ужин был лёгким, но вкусным. Алкоголь игривым, обстановка камерной, почти интимной, когда Надя с улыбкой рассматривала свой подарок.

— Это ведь из последней коллекции? — рассматривая узор эмали на золоте кольца и кулона.

— Да, помнишь, мы проходили в Берлине...

— Ты очень внимательный, Серёжа, — Надя вспомнила, как проходя мимо витрины ювелирного магазина фирмы wellendorff, она остановила свой взгляд на интересном узоре из эмали, но, немного помявшись, всё же решила не покупать это кольцо. Оно было дорогим, тем более, на российском рынке с успехом продавались аналоги.

— Стараюсь. Всё для тебя, малыш.

— Спасибо, — Надя искренне поцеловала своего любовника.

За несколько месяцев он изменился, перестал давить или пытаться угрожать, чаще уступал в мелочах, проявлял заботу. Это немного сбивало с толку и озадачивало. Но, в то же время, Надя чувствовала себя уютно, вероятно — защищённо.

Выходя из такси, Сергей открыл дверь Наде, подал руку, потом взял корзину с розами и направился к дверям подъезда, придерживая под руку Надежду.

— Куда это ты? — немного игриво, немного недоумевая.

— К тебе, малыш.

У Надежды было прекрасное настроение, и даже «малыш», набивший оскомину, не злил её.

— Вечер, тебе не нужно домой?

— У меня отгул, — сказал смешливо, как будто ему двадцать лет, засмеялся, и Надежда сочла за лучше не спорить, а шутливым жестом пригласила любовника.

В квартире, где, словно у себя дома, Сергей поставил розы, прошёл на кухню и поставил в холодильник шампанское, её любовник чувствовал себя вольготно, и Надежде было уютно от этого.

— Пригодится, — у Сергея было явно игривое настроение.

Он настойчиво обнял Надю.

— Ты такая красивая сегодня.

— Сегодня? А вчера? — смотря из-под ресниц. Она поддерживала игривость Сергея, флиртовала и наслаждалась его настроением.

— Ты всегда красивая, малыш. Самая красивая, — он нагнулся, чтобы поцеловать, и повёл в танце, включив музыку. Его движения становились всё настойчивее, наверное, грубее, губы были жаждущие, ищущие.

— Я соскучился.

— Хм, — Надя промолчала.

— Не веришь?

— Верю ежу а тебе погожу, — приглушённо засмеялась в шею мужчины.

— Годи... годи... нам спешить некуда.

Через несколько часов шампанское было допито, виноград и сыр съеден, Надежда лениво лежала на простынях и наслаждалась умелым массажем любовника.

— Наденька, ты самая лучшая... грудь, попа.

— Самая-самая?

— Угу... — проводя губами по позвоночнику вслед за руками.

— Лучше Олеси?

— Зачем ты поднимаешь эту тему? Давай не будем сейчас.

— Почему же, — она резко перевернулась и пристально смотрела на Сергея.

— Я ошибся, бывает... что теперь делать? Я извинился.

— Нужно мне твоё извинение, — ухмыляясь. Наиграно. Понимая, что и Сергей понимает эту наигранность и даже некоторую натянутость, которая возникала всякий раз при упоминании непродолжительного и не такого уж и бурного «романа» начальника с молоденькой подчинённой.

— Малыш, значит, нужно, если до сих пор упрекаешь. Грешен, увлёкся, но всё в прошлом, я твой.

Надежда ухмыльнулась и перевернулась обратно на живот.

— Не будь такой, Надежда, ты же не злая. Что ты хочешь, чтобы я уволил девчонку?

— Почему нет?

— Это изменит прошлое? Куда она пойдёт? Сама подумай... время какое, где она найдёт работу по специальности? Молодая, глупая, повелась. Будет ей уроком. И мне. Но лишать приличной работы и хорошей практики, как-то слишком, согласишься. Не будь злопамятной. Ты же выше этого, — заглядывая в глаза, потом целуя у ушка, немного прикусив, — малыш, прекращай.

— Хорошо, — она поджала губы, но потом расслабленно улыбнулась.

Так или иначе, Олеся была в прошлом, Сергей был почти безупречен в поведении. Он, всплыв в номере, пригрозив её уволить и другими «карами», в итоге быстро успокоился и даже восхитился связью Надежды с известным актёром, видимо, записав это «достижение» на свой счёт.

«Ты настолько хороша, малыш, что сам Рой Флеминг не устоял» — сказал через пару недель, сидя в её кабинете, покачиваясь на компьютерном кресле.

К обеду следующего дня Надежда суетилась на кухне, доводя праздничное меню до идеала.

Уже давно она не устраивала праздники в своём доме, ограничиваясь дежурными поздравлениями по телефону или интернету. Сейчас, хотя Надежда старалась как можно меньше времени проводить за своим излюбленным занятием, и ей это удавалось, встреча на её территории родственников казалось ей не только волнительным занятием, но и утомительным.

Однако плескавшаяся радость и предвкушение общения перекрывали некоторую усталость и недосып после ночи с любовником.

Когда все расселись, суетливо устраиваясь, переговариваясь и шутя, нахваливая кулинарные способности Нади, беседа полилась плавно, перетекая из одной темы в другую. От детских успехов племянников и внуков — главная тема гордости родителей Нади и Любы, — до планов на будущее — нехитрых, понятных, которыми делишься с близкими

людьми.

Люба, мечтающая похудеть, и её муж, мечтающий о третьем ребёнке и не теряющий надежды, что всё же ему удастся уговорить супругу. Он даже присоединил семью к уговорам под всеобщий смех, и Люба обещала подумать, вот только скинет килограмм семь-десять. На что Надя только закатила глаза. Благой порыв Любы ходить в спортзал не увенчался успехом, найдя уважительную причину, и не одну, она перестала заниматься.

Мама, рассуждающая о поливке и преимуществах удобрений. Отец, с энтузиазмом обсуждающий варианты перекрытия крыши на старом дедовом доме, переделанным семьёй в дачу.

Когда-то это был дом родителей отца Надежды — Валерия Егорыча, там же, в этом же селе, через пару домов, жила его будущая жена — Машуня. Поженившись, они уехали в город, работали на градообразующем предприятии, от него и получили просторную квартиру, которую уже много лет с любовью обустроивал Валерий Егорыч. Родители Машуни были ещё живы и в крепком здравии, а вот его родителей не стало. И маленький, покосившийся домик перешёл по наследству Валере. Добираться было неудобно, село отдалённое, но чета с воодушевлением принялась обустроивать, насколько хватало возможностей, территорию. Да и родителям Машуни было подспорье — частое, почти круглосуточное присутствие семьи по соседству.

Вскоре зять присоединился к семейному проекту, посчитав, что детям на сельских просторах летом значительно лучше, чем в лагерях и домах отдыха.

Люба без энтузиазма относилась к идее «дачи для всей семьи», но честно отработывала повинность на грядках, Надежда же и вовсе не бывала там. Её и не звали... своё время она делила между Рексом Фростом и любовником, постепенно место практически мифического Рекса занял Сергей, но свободного времени от этого у Надежды не прибавилось. Или ей хотелось так думать, как Любе с желанием похудеть и привести себя в форму.

Звонок в дверь, пока Надя сутилась на кухне, занимаясь горячими блюдами, заставил вздрогнуть.

— Пап, открой! — крикнула вслед отцу, который вышел из комнаты и направлялся в другую, с балконом, чтобы покурить.

— Надежда! — Она вышла ещё раньше, чем отец открыл дверь и смотрел на Сергея громко и в раздражении позвав дочь.

— Что он тут делает? — отец недолго любил Сергея и саму ситуацию.

— И вам здравствуйте, Валерий Егорыч, прекрасно выглядите, Мария Павловна, — с сторону выглянувшей на шум мамы Надежды. — Любовь, как всегда, обворожительна.

Сергей держался непринуждённо, раздаривая улыбки и комплименты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Надежда Валерьевна, вы просили привезти. Олег, возьми, — протягивая пакет мужу Любы. — Прости, задержался, у нас не было, пришлось в Москву ехать.

Надя с утра попросила привезти определённый сорт вина для праздника, но Сергей не привёз к назначенному времени, звонить же самой любовнику она не стала. Посчитав за лучшее обойтись тем, что купила в соседнем магазине.

— Рыцарь, — почти выплюнул отец.

— Па, перестань, — Надя хмурилась.

— Не тому говоришь, доченька, ой, не тому.

— Откланиваюсь, — шутливо сказал Сергей и, приобняв Надежду, вывел её на

лестничную площадку. Убрал пальцами с её лица непрошенные слезинки, потом легко поцеловал.

— Прости, — Надя уткнулась лбом в шею мужчины.

— Что ты, не проси прощения, я не догадался позвонить, вышел бы Олег... не плачь, малыш.

Надежде вдруг стало невыносимо одиноко, ей хотелось, чтобы рядом с ней был мужчина. Не изредка, ночами, а всегда — просто был.

Как сейчас Олег в осуждении покачивает головой, но всё же «прикрывает» Любин «грех» — воспользовавшись заминкой, она выскочила покурить. А потом он же положит ей в рот оливку и принюхается, уверяя, что запаха вовсе нет. Или мама, которая, сидя на стуле, выговаривает отцу за его поведение: «Не надо смущать девочку», и на все отцовы возмущения отвечает одно: «Взрослые, сами разберутся».

— Я пойду, малыш.

— Иди, — Надя улыбнулась, — тебя ждут.

— Ещё раз с днём рождения, — он поцеловал Надю в губы, потом вытер с её губ размазанную помаду, и со своих, тщательно. — Это тебе, — он быстро вложил в её руку коробочку и, не дожидаясь лифта, пошёл вниз.

Надя открыла фирменную коробку и улыбнулась. Серьги — бижутерия, дорогая бижутерия, под цвет нового платья Нади, которое купила Надежда, и сегодня ночью похвасталась Сергею, говоря, что купила бы ещё и серьги, уже присмотрела, да что-то стало жалко денег. Сергей ездил в Москву не за вином...

— Долго это будет продолжаться? — мама так и не сумела утихомирить отца, и он разошёлся не на шутку, требуя от Нади моментального решения своих личных проблем, семейного положения и изгнания любовника по причине этого же положения.

— Пап, перестань, — Люба, в попытках успокоить.

— Да, батя, что случилось-то? — Олег.

— А то не ясно, что случилось... совсем совесть потеряли, среди бела дня якшаются.

— Сергей привёз вино, — огрызнулась Надя.

— Вино? Вина тебе не купить? Давай, мы с матерью купим. Или водку пей, чистый продукт. Чистый, не то, что Серёга твой!

— Отец, — одёрнула мама.

— Что? Это где видано? У него семья, дети!! Ишь, хорошо устроился, индюк.

— Так у него семья-то, не у Нади, — вступилась Люба.

— Да, батя, может, и нет у них ничего, да, Надя? — Олег, в попытке сгладить ситуацию.

О том, что у Надежды связь с Сергеем, знали, казалось, все.

— Ты помолчи! — отрезал Валерий Егорыч, намекая на давнее увлечение Олега, чуть было не приведшее семью к разводу.

— Всё, — Надежда повысила голос, бросая взгляд на слезы в глазах Любы.

— Что, слезы не нравятся? А ты посмотри, посмотри. Его жена тоже чья-то дочь, сестра, думаешь, не плачет она? стыдоба!

— Так, старый, хватит, собирайся, поехали домой. Позвали, как людей. Наденька столько вкусностей наготовила, старалась, салаты твои любимые сделала, а ты что устроил? Одну до слез довёл, другую довёл. Что прицепился к девчонкам... взрослые, нас не спросят... им жить, не тебе, мы своё прожили и тоже, знаешь, не без греха.

— Ладно, ладно, — потупил взгляд, — погорячился я, дочка, но сил нет смотреть на

тебя... что ж это такое...

— Пап, ну что не так?

— Эх, тридцать шесть лет... ни семьи, ни детей, ни мужика путёвого. Женщине плечо рядом нужно, опора, чтобы было кому пожалиться, от кого ребятишек рожать.

— Да была у меня семья.

— Вот и зря развелась. Плохой был... а теперь посмотри на своего плохого. За пять лет — двое пацанят. Довольный ходит, счастливый. А ты всё думаешь, что девочка, а жизнь-то вспять не идёт, доченька. Бабий век и без того недолгий... а ты, считай, весь уже и проплясала, да по своим интернетам прожила.

— Перестань, — мама, строго, — говорила я тебе, не трогай девочку. Без нас разберётся.

— Всё мать, больше не буду. Пойдём мы, Надюша, прости, что не так, любя я...

— Я понимаю.

К вечеру засобирались и Люба с Олегом.

— Ты любишь его? — спросил Олег, протягивая Наде тонкую сигарету жены, смотря, как Надя делает пару затяжек и кашляет.

— Кого? — мысли Нади убежали далеко.

— Серёгу.

— Не, нет... так просто.

— Просто... эх, — затянулся, уйдя в свои мысли.

К ночи, убравшись в квартире, Надя устало смотрела в экран монитора. Скорее машинально, она заглянула на знакомый до боли сайт, увидела новые фотографии Рекса, засмеялась, увидев фото «со счастливой фанаткой», с собой же. И вспомнила, что в тот момент она чувствовала себя как угодно, но не счастливой... счастливой она ощущала себя на следующий день, с другим мужчиной.

Переведя взгляд, она посмотрела на огонёк «он-лайн» Роя Флеминга. Надежда стала бездумно листать страницы, главным образом за тем, чтобы отвлечься. От своих мыслей, от своего, становящегося навязчивым, одиночеством.

Вероятно, окружающие правы, и Наде нужно оставить связь с Сергеем, вероятно, когда-то, в прошлой жизни, ей не следовало разводиться, вероятно, ей не следует так часто вспоминать мужчину, который не давал ей никаких обещаний. И не мог дать, по многим причинам.

После встречи с Роем Флемингом в Вене и безумной ночи, они провели ещё одну ночь вместе. Не менее безумную. Уже в другом отеле.

Потом они встречались пару раз, на пару дней, и хотя Надежда понимала, что Рой играет с ней, как и следует актёру, невольно попадала под очарование этого человека, от его улыбки и мягкого голоса, от плавных движений и его хриповатого «Надя» в интимные моменты.

Надя стала было, по старой привычке, отслеживать жизнь и творчество Роя, она посмотрела фильмы с его участием, прочитала не один десяток интервью и многие перевела для российских фанаток, снискав их уважение.

А при случае даже задала пару уточняющих вопросов, на которые Рой ответил, но провоя в аэропорт, не выходя из автомобиля, сказал:

— Надья, скажи, что ты не станешь ею.

— Кем?

— Одной из этих сумасшедших женщин... живи своей жизнью, не моей. Звёзды часто разочаровывают, помнишь это?

— Ладно, — Надя улыбнулась и поцеловала Роя Флеминга, уверенная, что это их последняя встреча. Она вышла, покачивая бёдрами, и двинулась в сторону терминала по пешеходному переходу плавной походкой немного ленивой кошки.

С тех пор она часто видела «он-лайн» аккуанта Роя, но он редко выходил на связь.

Звёзды часто разочаровывают...

Не только звёзды, Надя сама себя разочаровывала.

Не умываясь, она расправила постель, простыни ещё пахли парфюмом Сергея, и улеглась. Виски сдавливало, но не от боли. Надежда сейчас многое бы отдала, чтобы засыпать после сложного дня рядом с мужчиной, пусть и не идеальным или мифически-прекрасным. Не обворожительным, а, возможно, уставшим после рабочего дня и даже раздражённым. Возможно, её бы устроил Логан в кредит, и приготовление еды трижды в день для мужчины. Своего мужчины.

Пришедшее сообщение вывело из полудрёмы, Надежда не хотела отвечать, но второе, а потом и третье сообщение заставили нажать иконку на экране.

Быстро ответив, она в ожидании смотрела на гладкую поверхность.

— Рой, — произнесла быстро, отвечая на вызов.

— Надя, — Надя улыбнулась так широко, что, кажется, свело челюсть, забыв, как часто звёзды разочаровывают. — Надя, прости, что поздно, я хотел тебя поздравить с днём рождения.

— Спасибо, Рой.

— Что бы ты хотела получить в подарок? От меня?

— Ничего не надо, спасибо... мне приятно, что ты поздравил.

— Я очень хочу сделать тебе подарок... но не знаю, что именно. Ты кажешься немного необычной, и я не знаю ничего о русских традициях... принято дарить что-то особенное?

— Нет никаких традиций, правил, ничего такого, — Надежда замолчала, укладываясь на подушку, закрываясь одеялом до подбородка.

— Ты одна, прости, я не отвлек тебя?

— Всё хорошо, я одна, лежу в кровати...

— Я хотел бы оказаться рядом с тобой.

Надежда прикусила губу, она хотела того же, но признавать это было немного... унизительно.

— Мы немного отделились, Надя, это моя вина.

— Нет никакой вины, у каждого своя жизнь, и наши жизни очень разные...

Надежда вспомнила случайные фотографии очевидцев и папарацци. Рою приписывали связи с разными женщинами, с партнёршей по сериалу, сценаристом, с восходящей актрисой, с малоизвестной женщиной, с которой он якобы был замечен на горнолыжном курорте.

— Верно, но я бы не хотел терять нашу связь... и я хочу сделать тебе подарок, скажи, что ты хочешь?.. Я многое могу, Надя, это звучит нескромно, но...

— Много? Хм. Я бы хотела перестать бояться, — она хотела просто жить, а не бояться взять Логан в кредит, потому что сама она может купить авто лучше и без кредита.

— Бояться? Чего?

— Не знаю... жить, вероятно.

— Это странно.

— Да, так и есть. Странно.

— Надья, я знаю, что подарить тебе.

— Правда? Что?

— Это будет сюрпризом, при встрече.

— Встрече?

— Да, ты ведь согласишься встретиться со мной? — в голосе слышалось замешательство. — Надья?

— Не знаю... это сложно, Рой.

— Обещаю не разочаровывать тебя больше.

Глава 5

Надежда укладывала в чемодан последние вещи, переложив всё не по одному разу. Казалось, она продумала всё, но постоянно возникало ощущение, что что-то забыла.

— Наааадь, может, не поедешь? — Люба, поджав ноги под пятую точку, смотрела на собирающую вещи сестру.

— Почему это?

— Зачем тебе это надо? Правда, зачем?

— Как это «зачем»... Затем, не ты ли говорила: «Не упускай своего, давай», а сейчас что изменилось?

— Ничего. Я говорила, когда ты первый раз поехала, ну, второй... но ты что, девочка, бегать по первому щелчку?

— Можно и побегать, ты знаешь, какой он мужчина?..

— Да Серёга твой, вместе со всеми его бабами и женой в придачу, большой мужчина!

— Люб, — в раздражении укладывая обувь в кармашек из сетки на крышке чемодана.

— Что «Люб»?.. Серёга — он настоящий, он рядом...

— С кем?

— А кто тебе лекарства привозил, когда ты заболела? Пока мы приехали с Олежкой, тут уже и лазарет, и доктор Айболит сидит. Вокруг прыгал, скакал, как родной. Женатый, конечно, но сама же говорила, это его проблемы, не твои... он хоть живой мужик.

— А Рой Флеминг мёртвый, что ли?

— Живой. Формально. Но что тебе с него?.. Он ведь неотложку среди ночи тебе вызывать не станет, медсестру возить, чтобы уколы тебе делала... это вообще всё очень странно, с Роем этим, ненормально. Что ему от тебя надо? Баб ему мало, что ли? Почитала я про него.

— Значит, мной и заинтересоваться нельзя, по-твоему? Спаааасибо.

— Можно! Но... Наааадя, да странно это, как-то дико. Как не с тобой, не про тебя! Плевать на Флеминга этого, что им движет, может, на экзотику потянуло мужика, кто-то от таек тащится, а этому, может, русского фольклора захотелось. Тебе что с него? Зачем тебе он?

— Ты хоть представляешь, какой он?.. Он, когда только пальцем до меня дотрагивается, только за руку берет... просто смотрит, я уже не на этой земле.

— Он актёр, профессия у него такая — просто смотреть, а зрители чтобы «не на этой земле» были. Ты на землю спустишь. Ты время теряешь, Надь. Тебе мужик реальный нужен и

ребёнок. Роди хоть от Серёги.

— Он, по-твоему, реальный?

— А какой ещё?

— Же-на-тый...

— Знаешь, жена не стенка, подвинется, так говорят. Что, сама ребёнка не родишь, не воспитаешь? Мы с Олегом поможем, да и родители в стороне не останутся.

— Угу... Серёжу спрашивать не обязательно?

— Можно и спросить, но зачем?..

— Может, я от Флеминга рожу, а? Что скажешь? Представь, какой ребёнок будет красивый.

— Нет, ты что! — Люба подпрыгнула на месте и смотрела огромными глазами.

— Ты чего? — Надя в недоумении посмотрела на сестру.

— Он же иностранец, к тому же знаменитый, к тому же денег, наверняка, как грязи, отсудит ребёнка... не вздумай! Да и вообще, завязала бы ты с актёром этим. Ещё хуже, чем с Фростом получается. Когда только жить реальностью начнёшь. Родить тебе нужно, тогда и глупости разные из головушки твоей выветрятся.

— Ой, Люба, я не собираюсь рожать, мне и так хорошо... не всем ведь детными быть, да за штаны мужские держаться. Одна я, и буду одна, а отказываться от поездки не стану, зачем? Рой мне подарок обещал, да и мужик он классный. Правильно папа сказал, бабий век недолог, сколько мне ещё осталось, а так хоть мир увижу, человеком себя почувствую...

Надежда лукавила, она не хотела быть одна, и ребёнка хотела, не болезненно, отдавая себе отчёт, что у малыша должен быть отец и модель полной семьи перед глазами, но хотела. Возможно она бы с радостью никуда не поехала, а осталась дома, в объятьях родного мужчины... Её мужчины, но не всё и не всегда складывается так, как хочется, а чаще живётся так, как можется.

Надежде не на что было жаловаться, к своим тридцати шести годам она достигла, пожалуй, максимума, который могла бы достигнуть женщина в её профессии и с её местом жительства.

Она имела больше возможностей, чем большая часть её знакомых, и добилась этого своим трудом.

Небольшое приключение с Роем и вовсе казалось сказочным, и если не обманываться пронзительным взглядом актёра, то всё может пройти замечательно и в этот раз.

Выходя из зоны прилёта, поправив светлые брюки и глянув ещё раз в зеркало, она направилась за своим багажом и неожиданно встретила с Роем.

— Ох, Рой, — подпрыгнула от неожиданности.

— Здравствуй, Надя, — Наде казалось, она расцветает от этого «Надя», произнесённого немного хрипло и, пожалуй, чувственно.

— Что ты тут делаешь? — осмотрелась вокруг себя.

— Встречаю тебя, — он положил руку на поясницу Надежды и легко направил в сторону ленты багажа.

— Это не должен делать кто-то из твоих служащих? Ассистентов? Я сама могу добраться в отель.

— С сегодняшнего дня я свободен, поэтому подумал, что встречу свою гостью сам... эм, Надя, тебя это смущает?

— Нет-нет, — поспешила заверить Надежда, она всего лишь опасалась, что пресса,

возможно, напишет о Рое и некоей незнакомой женщине... и как это может сказаться на актёре. Видимо, она слишком много беспокоилась, судя по тому, как расслабленно стоял рядом Рой и поддерживал беседу, пока ловко не выхватил чемодан Надежды с ленты.

— Есть ещё что-то?

— Нет. Откуда ты знаешь, что это мой чемодан?

— Я встречал не так много женщин, которые путешествуют с багажом подобного цвета. Этот чемодан незабываем, — он засмеялся.

Надя посмотрела на свою ярко-оранжевую кладь, которую всегда брала с собой в поездки, и в прошлую свою встречу с Роем — тоже.

— Это очень удобно, не надо выискивать на ленте среди множества стандартных, он виден издалека. И не потеряется, не перепутается.

— Да? Я не подумал... действительно, это довольно удобно.

— Интересно, что ты подумал?

— Что, вероятно, так выражается твоя индивидуальность.

— Чемоданом оранжевого цвета? О, Рой, — ей стало смешно, но она подавила смех.

— Я знаю девушку, которая летает только в пижамах, в этом выражалась её индивидуальность.

— О, — Надя решила промолчать, что, на её взгляд, в этом выражается, если не глупость, то желание обратить на себя внимание, излишняя эксцентричность.

На выходе из здания терминала Роя дважды остановили, и он, отходя в сторону, сфотографировался с желающими.

— Уф, всё так спокойно, — Надежда села на заднее мягкое сиденье авто.

— Что значит «спокойно»?

— Не было фотографов, кричащих фанатов... всего того, что обычно показывают.

— Я не настолько популярен, как Рекс Фрост, — подмигивая, видимо, вспоминая, где и при каких обстоятельствах они встретились, — чтобы вызывать подобное. И мы в небольшом европейском аэропорту, здесь не будут дежурить папарацци.

— Кстати, почему именно здесь, Рой, ты так и не сказал, что за подарок. Я заинтригована.

— Встреча со мной — не подарок?

— В некотором роде, но ты должен понимать, что я взяла отпуск за свой счёт, и ты ни в коем случае не должен меня разочаровать, — Надя пошутила, гадая, что же должен подарить ей Рой Флеминг, обещая научить не бояться жизни.

— Обещаю, мой подарок не разочарует тебя. И я тоже... постараюсь.

В машине играла тихая музыка, пока она медленно выезжала с парковки, а потом двинулась по оживлённой трассе, уже значительно быстрее. Рой переговаривался с водителем, Надежда не понимала речь и не стремилась понять, она смотрела в окно на пролетающие аккуратные, словно пряничные, пейзажи.

— Надья, мы можем сразу отправиться на место, или ты нуждаешься в том, чтобы заехать в отель?

— Но... я забронировала номер.

— Бронь можно снять, я уточнял. Твой подарок в другом месте, прости, я не сказал тебе, но иначе ты могла бы догадаться.

— Как?

— Гугл, — Рой улыбнулся, — женщина, пользующаяся оранжевым чемоданом для

удобства, наверняка отлично пользуется гуглом. Что скажешь? Ехать около трёх часов.

— Хорошо, я в нетерпении и хочу свой подарок, — улыбнулась, глядя на мужчину.

Немного удивительным было то, что Рой мало напоминал своего героя. Надежда не запоем, но уже почти закончила смотреть все отснятые серии. Конечно, он схоже улыбался, показывая ряд ровных белых зубов, у него были те же морщинки у глаз, как в последних сериях, где его герой стал старше и более мужественным, но он казался просто мужчиной.

Как любой другой, намного более интересный, харизматичный и невероятно притягательный — да. Но у него была своя индивидуальность, а не его героя.

День подходил к окончанию, когда машина остановилась, и Надя с интересом смотрела вокруг. Ряд небольших домиков и пара побольше, в три-пять этажей, в одной стилистике, ровные дорожки и бескрайние альпийские луга у подножия горы, на которой они находились.

— Пойдём, — Рой обнял Надежду и прижал к себе спиной, глядя на тот же пейзаж.

Надя чувствовала его тепло и, скорей интуитивно, прижалась сильнее. Всю дорогу Рой держался немного отстранённо, как и Надя, он с воодушевлением рассказывал о том, что они видят за окнами авто, уточнял, сколько именно Надья сможет пробыть здесь, несколько раз говорил по телефону, один раз остановив для этого машину и выйдя. Видимо, для соблюдения конфиденциальности, ведь если немецкий Надежда не знала, то английским владела в полной мере.

В машине словно повисал разряженный воздух, когда Надя встречалась глазами с Роем, или он невесомо дотрагивался до её руки. Надя чувствовала исходящие волны желания от мужчины рядом. Желания мощного, настолько сильного, что всё, что хотела Надя — подчиниться ему... но Рой держался несколько отстранённо, а Надежда — настороженно. Помимо воли, всё время вспоминался разговор с Любой и её упрёки, что Надежда не живёт и даже не пытается жить настоящим.

Рой Флеминг, по сути, такой же мираж, как и Рекс Фрост, на которого, по собственной воле, она потратила пять бесценных лет собственной жизни. Чем сегодняшняя ситуация отличается от предыдущей? Ровно такие же бесперспективные «отношения», с той лишь разницей, что Роя она знает лично, более чем лично, но он так и остаётся для неё недостижимой звездой, которые часто разочаровывают.

Эти объятия, с видом на альпийские луга, были первыми со времени прилёта, и Надя наслаждалась ими, как и её спутник. Она смотрела, как рука Роя постепенно с талии поднялась выше, обхватив упругую грудь, и Надя застонала. Не тихо. Она почувствовала, как напряглись руки мужчины, и немного сбилось дыхание.

— Пойдём, Надья.

Надежда видела, что какой-то молодой человек забирает её багаж и направляется к кабинке подъёмника.

Почувствовав свою руку в руке Роя, она двинулась за ним плавной походкой, покачивая бёдрами. Блузка из шелка, с глубоким вырезом в зоне декольте, была подвязана на талии тонким шёлковым же ремешком, и подчёркивала, а не скрадывала формы Нади.

Домик, в котором они оказались, был небольшим, не вычурным. Он находился вдали ото всех и вся, с огромной террасой по периметру дома, с окнами в пол, так, что проживающие могли наблюдать и закаты, и рассветы по их желанию.

Обслуживающий персонал приходил один раз в сутки, была возможность заказать еду «в номер», как и самим в любой момент спуститься в ресторан, который так же

располагался на выступе горы. Местность была удивительно красива и безлюдна.

— Спасибо, — прошептала Надя, — это, действительно, прекрасный подарок...

— Это не подарок, — Рой улыбнулся.

— Ты заставляешь меня волноваться, я люблю сюрпризы, но...

— Не волнуйся, Надя.

Надежда уже сходила в душ, переделалась в лёгкое платье и сейчас, во время ненавязчивой беседы, они ужинали. Еда была вкусной и лёгкой.

— Я не утомил тебя? — Во время ужина и после, Рой рассказывал о своём проекте, о работе, о семье, удивляя и смеша Надю. Он спрашивал Надежду о её жизни, о том, что ей интересно, на что она тратит свободное время и есть ли оно у неё. Интересовался её страной, семьёй, родителями, племянниками и даже побеспокоился о коте, пристроила ли Надежда пушистого в гостиницу для животных или кто-то будет ухаживать за ним во время отсутствия хозяйки. За котом приглядывала Люба.

Невероятно тёмная ночь, густая, маслянисто-чёрная, опустилась на горы, и Надежда смотрела на неё и на звезды, что были низкими, как никогда, и как никогда яркими.

Несмотря на усталость и некоторое количество вина, ей не спалось. Оказалось, что с Роем у них разные спальни, она не стала спорить или показывать своё разочарование, ведь любое, даже незначительное прикосновение этого мужчины, заставляло желать большего. Она была даже благодарна за эту возможность. Слишком сумбурными были её чувства и, пожалуй, неуместными в данной ситуации. Надежду буквально раздирала изнутри лавина настолько невообразимых желаний, что ей становилось стыдно за себя. Никогда она не ощущала подобного. Ни будучи ещё влюблённой девушкой, выходя замуж по сильной любви, ни начиная встречаться с Сергеем, первое время их роман был бурным, ни с любым другим мужчиной.

— Кхм, — услышала покашливание за спиной, — прости, я помешал тебе.

Рой стоял в дверном проёме, облокотившись, с голым торсом, выглядя при этом удивительно притягательно. Во всех его движениях, даже в статичной позе, чувствовалась сила и какая-то хищная грация.

— Нет, не помешал, — Надежда улыбнулась и смотрела, как плавно двинулся Рой к широкому креслу, подходя по пути к Наде, чтобы увлечь её за собой.

Сел сам, чтобы, потянув, посадить женщину на колени.

— Мне следует объясниться... — Рой смотрел прямо в глаза Наде, и от этого её тело покрылось крупными мурашками.

— О чем ты? — она говорила тихо, как будто их могут услышать.

— Почему мы не вместе сейчас.

— О, ты не должен, это вовсе не обязательно.

— Я ощущаю, что это обязательно, и я хочу этого, это сродни безумству, похоже на навязчивую идею... я думаю, нам нужно некоторое время и пространство прямо сейчас. Всё, что происходит — очень интенсивно, интенсивней, чем я был готов, и ты, вероятно, тоже. Я не ошибаюсь?

— Да, очень интенсивно...

— Это пугает тебя? — он внимательно посмотрел на Надежду, она отвела взгляд, потому что понимала всю никчёмность своего желания соврать о своей храбрости.

Всё, что происходило и происходит в жизни Нади, и особенно всё, что связано с актёром Роем Флемингом — пугало её. В последнее время всё больше и чаще.

— Пугает, — она ощутило вздрогнула, когда его пальцы прощлись по её распущенным волосам, и он слегка царапнул ногтями кожу голову.

— О, боже, я хочу тебя, у меня колени сводит от желания, ты, похоже, дразнишь меня, — она шептала быстро, на русском.

— Ещё что-нибудь скажи, — на английском.

— Это ужасно, то, что я говорю тебе это, даже унижительно, должно быть... не помню, чтобы я хоть раз испытывала подобное. Просто ужасно, что это именно ты... неужели это не мог быть кто-то другой... хоть сантехник из нашего ЖЭКа. Как будто мало мне неприятностей...

— У вас красивый язык, говори.

— Ты с ума сходишь от желания, как и я... — она перевернулась так, что оказалась лицом к лицу с Роем. Обхватив его ногами, Надя не выдержала и стала тереться о мужчину.

— Надья, — Рой звучал хрипло, приглушённо и предупреждающе, однако все его движения говорили о взаимном и остром желании близости.

— Может, нам следует немного подождать, дать тебе время?

— Для чего? — Надя недоумевала от возражений Роя, тогда как невербальные знаки говорили ей совсем другое.

— Немного пространства, тебе необходимо немного пространства, ты напугана. Я вижу это.

— Хорошо, — она нахмурилась и попыталась встать, но мужская рука удержала её, а следом губы, которые накрыли поцелуем, настолько сминаящим, что Надя скорее вцепилась в ответ в мужские губы, а не просто ответила на поцелуй.

Она почувствовала, что Рой поднял её, а ведь её вес был далёк от стандартов... Но он легко нёс Надежду в сторону её спальни и не оставлял её губы.

Открыв ногой дверь, он в темноте прошёл к кровати, стоявшей не по центру комнаты, как это часто бывает в отелях, а вдоль стены, и матрас отпружинил, когда Рой опустился на него вместе с Надей.

Они целовались какое то время, и бешеное, мало контролируемое желание Надежды превращалось в тягучую истому... Она тихо стонала и прижималась всем телом к мужчине, желая ещё большего контакта.

Ей казалось, что она парила от поцелуев, разных, от практически невесомых, до алчных, прикусывающих, стремящихся захватить...

Игра языками, телами, руками приводила Надю в неистовство, уводя за грань желания, пока она не почувствовала прикосновение мужских пальцев на самом чувствительном месте, прикосновение умелое, и Надежда погрузилась в оргазм мгновенно, вцепившись Рою в плечи, она напряглась, а потом стала словно проваливаться в мягкость матраса.

Все её дальнейшие движения были остановлены Роем, несмотря на то, что ей было более чем очевидно его желание...

— Скоро выезжать за твоим подарком, Надья.

Надежда провела рукой по груди Роя, отчего его пробила крупная дрожь, но всё, что последовало за этим:

— Тебе обязательно нужно поспать.

— Ладно, — Надя не видела смысла в поведении актёра, но и принимать на свой счёт не стала. В своём поведении и реакциях она тоже не видела смысла.

Интенсивно... Рой был прав, всё было слишком, даже отчаянно интенсивно, и, конечно,

это пугало Надю своими последствиями. Это всё меньше походило на сказку, а Золушке, вероятно, уже вот-вот принесут не подходящую ей туфельку. Рой Флеминг не подходил Надежде, как и она ему.

Когда Надя села в небольшое, странного вида авто, за рулём которого сидел Рой, было темно, рассвет ещё не торопился, только небо поменяло оттенок на более светлый. И стремительно гасли звёзды.

Рой протянул ей бумажный стаканчик с кофе.

— Тебя было не разбудить, но надо поторопиться, я налил кофе в термос.

— Спасибо, — она отпила глоток, — ты сварил кофе и перелил его в термос? — сама мысль о Рое Флеминге, который сам переливает в термос кофе, показалась ей странной.

— Сварил не я, а кофе-машина, — Надя вспомнила, что в помещении, выполняющем функцию кухни, была кофеварка, — а я перелил в термос. Ты говоришь так, словно я запустил коллаيدر.

— Просто... ты же Рой Флеминг!

— Да. Это я, — он улыбнулся и повёл бровями, — и у меня есть руки, которыми я определённо умею пользоваться. Так что я могу нажать на пару кнопок на кофе-машине и даже умею готовить некоторые блюда.

— Какие?

— В основном десерты, для племянников.

— Ооооо, — Надежда сглотнула от мысли о сладком.

— Сам я почти не ем, в связи со съёмками мне нужно быть в определённой форме, иначе бы моим племянникам не доставалось ни кусочка.

— Понимаю. Я толстею, даже когда смотрю на сладкое...

Рой засмеялся и бросил взгляд на декольте Надежды. Говорящий взгляд. Довольный.

— Думаю, тебе не нужно сильно усердствовать с диетой, десерты на твоём теле находят самые аппетитные места, — подмигнул.

Надежда с интересом смотрела по сторонам, но мало что видела. Тёмное небо, очертания гор и на их фоне — следы присутствия человека: дороги тонкой лентой вдоль скал и домики.

— Нееееет, — Надя смотрела на людей и оборудование вокруг неё и нерешительно отступала куда-то назад, при этом всё ещё держась одной рукой за Роя.

— Ты боишься высоты?

— Не боюсь, ты как-то спрашивал, но это, — она махнула рукой в сторону аппарата, не внушающего никакого доверия, — безумие.

— Жизнь безумна, Надя. Опасна и в то же время прекрасна. И она быстротечна. Как рассвет, который сейчас будет. У тебя есть только один шанс увидеть сегодня рассвет с высоты птичьего полёта.

— Я боюсь. Ты сумасшедший! — она завизжала, обведя глазами присутствующих, которые, казалось, не обращали внимания на практически истерящую женщину. Каждый сосредоточенно занимался своим делом.

— Правильно, ты боишься. Все бояться, я боюсь, Тони, твой инструктор, с которым ты полетишь, тоже боится, поэтому мы все очень щепетильны и аккуратны с безопасностью, но полёт стоит страха.

— Я боюсь, — она готова была заплакать от страха и, наверное, разочарования. Кому вообще может прийти в голову подарить полет на дельтаплане? В горах! На рассвете!

Полёт на рассвете.

— Не бойся, — Рой нагнулся и смотрел в глаза Нади. Несмотря на темноту и свет только от фонарей, она готова была поклясться, что видела отражения себя. Уже в специальном комбинезоне и шлеме, испуганную и жалкую, плачущую, — не бойся. Ты хотела научиться не бояться жизни... сейчас, сегодня, на рассвете, ты сможешь перестать бояться. И начать жить.

— А если я не перестану, в следующий раз ты заставишь меня прыгать с парашютом или погружаться на сто метров в лёгком оборудовании?

— Почему нет? Это здорово. Можно ещё в коробке с пауками посидеть... — Рой широко улыбнулся.

Надежда покрылась потом, побледнела, судорожно сглотнула, и только под собственный выдох услышала.

— Нет, нет, никаких пауков, я понял.

— О...

— Даже самых маленьких, даже коллекция резиновых насекомых Филиппа, моего племянника.

Надежда ещё раз вздрогнула.

Тони, оказавшийся высоким мужчиной с явно арабскими корнями, максимально подробно рассказывал об устройстве дельтаплана, половину технических подробностей она забывала тут же. Сосредоточилась только тогда, когда Тони стал объяснять, как вести себя в полёте. Казалось, ничего особого от Надежды не требовалось — только выполнять команды инструктора и получать удовольствие от полёта. Постепенно идея пролететь на дельтаплане перестала казаться безумием и увлекла Надю, она ощущала волнение и даже нетерпение.

— А ты? — спросила Роя.

— Я немного позже, встретимся внизу, — снимая на ходу тонкую куртку, чтобы переодеться в комбинезон, ловя при этом взгляд Надежды, подмигивая уже спокойно улыбающейся женщине.

Внутренности Надежды поднялись вверх, кровь хлынула к голове, руки занемели от напряжения, она чувствовала тошноту, головокружение и страх открыть глаза. И ещё порывы холодного ветра, и странный гул вокруг себя, вибрирующий.

Но глаза она всё же открыла, встречаясь с огромным красно-оранжевым морем, которое растекалось по небосклону и надвигалось прямо на них, рассеиваясь по берегам синим, переходящим в бирюзу и голубой. Она летела прямо на рассвет. Внизу было не менее огромное зелёное море, отражающее первые, ещё холодные, лучи солнца. Она парила над огромной бескрайней землёй и своим страхом, оставив его далеко-далеко, на взлётной площадке, вместе с собственным криком и смехом инструктора. А потом время остановилось, рассвет, который длился, по Надиным ощущениям миг, растаял и уступил место дню... они парили, ловили ветер, который трепал, ударял и был против непрощенных гостей, а потом вдруг подставлял своё плечо под крыло дельтаплана и нёс мягко, не позволяя колыхнуться, показывая, что он не враг. Соперник, друг, участник приключения, показывающий жизнь с высоты птичьего полёта, но не враг.

Дважды Тони отдавал управление в руки Нади, что приводило её в восторг, и, наконец, шумно, но, к удивлению Надежды, мягко, они приземлились. Первое, что почувствовала женщина — тишина, потом тепло. И то, что она сидела на траве, а Тони снимал с неё шлем и интересовался:

— Все о'кей?

— О'кей, — отозвалась, Надя, в удивлении слыша свой голос.

Внизу, где была сейчас Надя, была мягкая, сочная и невысокая трава, яркие всполохи весенне-летних цветов и мягкий, невесомый ветер. Тони присел рядом, молча, видимо давая время своей подопечной. Оставить её одну он не мог.

В домике, куда зашла Надя, было немногочисленно, несколько инструкторов, спортсменов дельтапланеристов, мало кто говорил на английском, только некоторые инструкторы. Стоял огромный стол, кулеры с водой, пара кофе-машин и громко играла музыка. Ритмичные латиноамериканские мотивы создавали контраст с тишиной за стенами, после чашки горячего чая хотелось танцевать, прыгать, скакать на месте и вдоль помещения. Надежда не помнила, когда она ощущала подобный подъем в душе и ощущала ли когда-нибудь.

Прямо сейчас она не боялась ничего. Ни полёта, ни «Логана» в кредит, ни даже пауков.

Невысокий молодой парень подмигнул Наде и позвал жестом танцевать.

Днём, на виду у всех, в месте, которое не подразумевает под собой такое развлечение, как танцы.

Она танцевала, забыв, что на самом деле была лишена слуха и, скорее всего, чувства ритма, забыв, как когда-то давно в кружке танцев посмеивались на полненькой девочкой, задвигали на задние линейки на выступлении, пока однажды страх перед смехом не пересилил желание танцевать в маленькой девочке, и тогда она перестала танцевать на людях.

Сейчас страх Надежды остался где-то высоко-высоко, на площадке, вместе со страхом жить.

Она просто танцевала и получала от этого удовольствие. Парень рядом тоже был невеликим танцором, как и другой, который раскручивал Надю, подражая танцорам из клипов, но всё достижение которого сводилось к тому, что он не отдал ноги окружающим. Да и девушка, худенькая, как тростинка, которая также пришла сюда с инструктором, двигалась отнюдь не с грацией лани.

Не сразу Надя заметила сидящего за столом Роя Флеминга, который не сводил с неё глаз. Его глаза искрились, он широко улыбался. Надежда поманила, и он встал ей навстречу.

Похоже, Рой Флеминг был единственным, кто умел танцевать и практически в совершенстве владел своим телом. Его стремительные и одновременно мягкие движения завораживали. Он притянул Надю к себе и повёл в ритмичных, зажигательных движениях. От его близости она задохнулась. Таяла, следовала за его движениями, ритмом, поцелуями в висок или щеку, лёгкими, как дыхание, пока, забывшись, она не встретилась губами с Роем в глубоком, длительном, насколько хватило дыхания, поцелуе. Пока громкий свист, аплодисменты и неровные голоса не прервали их.

— Ой, — пискнула Надя.

— Не бойся.

— Я не боюсь, теперь я не боюсь...

Надя буквально вздрагивала на протяжении всей дороги, пока они ехали в свой домик, потом ели в ресторане на вершине горы, смотря на облака на уровне глаз. И, наконец, когда, двери за ними захлопнулись, и она оказалась в объятьях мужчины, то и вовсе крупная дрожь прошла по телу женщины.

Она в нетерпении помогала снимать с себя одежду, судорожно пыталась расправиться с металлическими пуговицами на джинсах Роя, потом сдёрнула их вместе с бельём, взяв в руку более чем увесистое и готовое мужское достоинство, услышав шипение и приглушенное «Надя», от чего у женщины буквально подкосились ноги, и только сильные руки удержали её.

Попытка двинуться в сторону спальни не увенчалась успехом, как и снять до конца брюки Нади, одна штанина так и осталась внизу, запутанная вокруг щиколотки, когда Надя выгнулась и повернулась к Рою спиной, чем он тут же воспользовался, нагнув Надю так, что она упёрлась руками в бревенчатую стену дома и в нетерпении подвигала попойкой. Рой не заставил себя ждать, проникая плавно, но сразу глубоко, и тут же отстраняясь, чтобы проникнуть ещё раз и ещё. Она покрылась испариной и, кажется, немного охрипла от вскриков и точно сошла с ума от удовольствия, когда достигла оргазма, которым буквально играл Рой, не давая ей разрядки, останавливая на взлёте. Он подхватил обмякшую Надю и перенёс на диван, тут же, в этом же помещении.

Её губы немного болели от поцелуев, грудь была чувствительна, когда она кончила ещё раз, на этот раз вместе с Роем, и она смотрела на капельки пота на лбу мужчины.

— Мне невероятно хорошо с тобой, Надя.

— Мне тоже, — Надя положила лицо на грудь мужчины, рядом с яремной ямкой, слыша удары сердца. Своего и Роя.

— Я бы хотел не расставаться с тобой.

— Это невозможно.

— Почему? Насколько я знаю, ты не связана никакими обязательствами, я тоже.

— Ты актёр... наши жизни слишком разные, боюсь, из этого ничего не получится.

— Несколько часов назад ты была уверена, что никогда и ничего не будешь бояться.

— Верно... но... это другое.

— Это так же, как лететь на дельтаплане. Страшно, но оно того стоит. Вспомни.

Надежда вспомнила сильный обжигающий порыв ветра в лицо, и как этот же ветер подставлял свои сильные руки под крылья дельтаплана, с услужливостью друга разрешая увидеть рассвет с высоты птичьего полёта.

— Рой, мы всё равно расстанемся, я уеду к себе, ты на съёмки...

— Моя жизнь не упорядочена, я не могу предложить ежедневный ужин после работы, но определённые отношения... определённая — да. Мы будем встречаться так часто, как только это будет возможно. Это то, чего бы я хотел, вероятно, я могу сказать, что влюблён в тебя. Сильно.

— Ох, — всё это слишком походило на сказку.

С плохим концом. Очевидно плохим... звезды часто разочаровывают.

— Подумай. Я не хочу давить на тебя. Понимаю, что это сложно и, честно говоря, не представляю, как и чем это может закончиться, но я хочу тебя в своей жизни и надеюсь, что ты хочешь того же.

— Я... согласна, хотя и не понимаю, как это будет выглядеть и к чему приведёт. Сегодня утром я не знала, что человек подобен птице, но ты показал мне полёт... Рой Флеминг, думаю, это определённо стоит того.

Они провели в небольшом домике на склоне горы на уровне облаков восемь дней. Надежда ещё четыре раза летала на дельтаплане, каждый раз открывая всё новые и новые грани полёта.

И желаний.

На следующий день после поцелуя во время танца, фотография целующегося Роя Флеминга попала в сеть, и фанаты ломали копья, где он и с кем. В аэропорту, во время отлёта, уже не было тихо, вспышки осветили лицо Нади, но фото так и не попали в издания, только свидетельства очевидцев. Одни говорили, что рядом с Роем Флемингом видели сценариста сериала, где он играет ведущую роль, другие утверждали, что это давняя подруга детства, третьи — что это подставная женщина, чтобы скрыть продолжавшиеся до сих пор отношения с бывшей невестой, которая удачно вышла замуж за одного из известнейших продюсеров. След же самой женщины с фотографии исчез в Берлинском аэропорту.

Рой Флеминг никак не комментировал происходящее, как и любой шум вокруг его личной жизни, и только слушая комментарий Стена:

— Думаю, ты хочешь мне что-то рассказать, потому что я уверен, что уже видел эту женщину.

Ответил:

— Да, конечно, скоро ты познакомишься с ней ближе, я надеюсь на это.

Глава 6

Надя лежала на Рое, в полной мере наслаждаясь тактильными ощущениями и приятной истомой, что рождала такая близость. Он придерживал её коленями, так, что она оказалась между ними. Но они не спешили, оттягивали этот момент, уже успев насладиться друг другом всласть, они медленно и немного вальяжно проводили руками по разгорячённому телу партнёра, всё больше распаяя друг друга, но, в то же время, давая возможность остыть, задержать этот момент, смаковать его. Она была расслаблена, как никогда, когда почувствовала его пальцы между своих ягодиц и задохнулась от такой ласки, интуитивно подставив себя, прося о большем. Чем не преминул воспользоваться мужчина, легко заходя пальцем, а потом и вторым, под стоны Нади.

— Ты?.. — он поинтересовался её опытом.

— Да, довольно давно, я иногда уступала, но особенно мне не нравилось...

— Сейчас нравится?

— О, да, — ей действительно понравились эти ласки, и это вовсе не смущало её, она готова была к большему, полностью доверяя Рою.

За это время он показал, что был невероятно чутким и опытным любовником, и она легко шла практически на любой вид секса, лишь бы он был к взаимному удовольствию.

— Да, — она ответила на молчаливый вопрос и только улыбнулась появившейся в руках баночке с лубрикантом...

— Ты всё продумал, — она, было, засмеялась, но смех смешался со стоном, когда Рой начал интенсивней ласкать, другой рукой поглаживая грудь Нади, целуя её и немного прикусывая.

В конце концов, Надя оказалась лежащей на животе, цепляясь за подушки и светлую ткань...

Она задохнулась от ощущения наполненности, стараясь расслабиться, и ей это удалось довольно быстро. Подаваясь навстречу, вскрикивала, отдавалась и, как это всегда бывало, переходила на русский язык, выражая свои эмоции. Поглаживания, быстро и ровно в темпе качков бёдер Роя, толкнули Надю за край, она кончала сильно и громко, пока Рой удерживал

её в удобном для неё положении, и буквально через несколько секунд закончил сам.

Она проснулась, как ей казалось, середине ночи, но точно она ответить не смогла бы, может, это было утро или даже день. Время, которое они проводили с Роем, пролетало мгновенно.

Несколько раз она приезжала к нему в городок на берегу моря, где проходили съёмки, и они проводили его свободное время на небольшой яхте, зашвартованной у причала и теряющейся на фоне таких же. В этот раз они договорились с Роем о встрече всего на три дня, одним из которых был понедельник, и ей пришлось отрабатывать его заранее, игнорируя недовольный взгляд Сергея.

И, к удивлению женщины, они встретились в родном городе Роя и, более того, прямо из аэропорта её привезли в его квартиру, двухэтажную, просторную, лаконично и даже излишне, на взгляд Нади, футуристично обставленную. Слишком много хрома, металла, отражающих поверхностей, всего того, что делает дом похожим на космический корабль из фантастических фильмов. Она понимала, что всё это стоит целое состояние, и, вероятно, ей не хватило бы жизни, чтобы заработать на подобную квартиру... но...

Надя накинула пеньюар, который подчёркивал пышность её груди, и вышла из спальни, идя на полоску света в конце длинного коридора, ощущая себя на космической станции. Робко заглянув в помещение, она увидела Роя, который смотрел на экран монитора, и свет падал ему на лицо.

Надя улыбнулась, сейчас, в этом странном интерьере, рядом с серебристым монитором, Рой меньше всего походил на своего героя, да и на того Роя Флеминга, чьи фотографии она иногда видела в журналах и каждый день в торговом центре, на рекламе дорогого бренда часов, тоже.

— Проснулась? Не хотел тебя будить, но нам привезли еду, так что всё равно пришлось бы... — его взгляд пробежался по фигуре женщине и задержался в зоне декольте, — иди сюда.

Надя молча подошла под почти плотоядный, но откровенно восхищённый взгляд мужчины.

— Мне нравится это, — он показал рукой на шёлк и кружево.

— Ещё бы, ты сам купил, — она встала между коленями мужчины, смотря, как он проводит подушечкой пальца по самому краю кружева.

— Мне нравится, как это смотрится на тебе, и ещё больше мне нравится, что ты принимаешь мои подарки...

Надя улыбнулась этому непонятному комплименту, пока Рой усаживал её к себе на колени.

— Что это? — она показала глазами на монитор.

— Мой новый проект, пришлось отложить его из-за работы в сериале, но она подходит к концу, так что имеет смысл вернуться к нему.

Надя мало что поняла, потом её взгляд с монитора переместился на стены, и она замерла. Большая часть стены была в фоторамках, соединённых между собой, хромированных, в цвет мебели и стен, с эффектом стерильности... на фото были Рой и его подруга, бывшая, но... Надя много раз натыкалась в сети на их совместные фотографии с Линдой. Разные источники говорили разное, но ясно было одно — Роя Флеминга связывали минимум десятилетние отношения с этой женщиной, и сейчас фотографии с Линдой, видимо за все совместные годы, висели на стене... как иконостас. Надя поёжилась. Она

никогда не рассчитывала ни на что рядом с Роем, откровенно говоря, она не понимала природу их отношений и его интерес к ней, но не спешила отказываться от них. Зачем?

Всё рано или поздно сойдёт на нет, Надя это понимала, но торопить события ей не хотелось. Однако такое откровенное напоминание об этом стало неприятно женщине. Она сдержалась и перевела взгляд на монитор, не заметив, как, в свою очередь, на неё смотрел Рой.

— Я не замечал этих фотографий, — произнёс тихо, с хрипотцой.

— Ты ничего не должен объяснять мне.

— Надья, ты в моем доме, и моя невнимательность привела к тому, что ты расстроилась... Думаю, нам давно следовало поговорить на эту тему.

— О, нет, не нужно, ты не должен.

— Хм, всё же нам следует поговорить на эту тему... — он замолчал на какое-то время.

— Ты рассказала мне о себе, немного, но достаточно, теперь моя очередь.

— Я знаю, кто это, — она кивнула на фотографии.

— Конечно, знаешь, я уверен в этом, но давай, ты выслушаешь мою версию.

— Хорошо, — Надя притихла и посмотрела на Роя, на лицо которого падал свет от монитора.

— Мы расстались с Линдой около трёх лет назад, я думаю, ты знаешь это. Было официальное заявление моего представителя.

Надя кивнула головой, молча, скрывать, что она изучила некоторые моменты личной жизни любовника, не было смысла. Конечно, ровно настолько, насколько позволяли «источники», но сам интерес она не посчитала нужным скрывать.

— Мы были вместе больше десяти лет, на самом деле — почти восемнадцать, но первые годы мы то сходились, то расходились, мы были молоды и стремились... попробовать разное, разных партнёров, модели поведения, у нас всё было слишком нестабильно, чтобы считать это устойчивыми отношениями. Но между нами всегда была... страсть, да. Наши отношения можно было назвать страстными. При этом мы, каждый из нас, занимался своей карьерой, и это стояло на первом месте. Я вырос в театральной среде и не стремился никогда в кино, меня интересовала режиссура, Линда всегда мечтала о карьере киноактрисы... наши пути то сходились, то расходились, пока однажды мы не встретились и, обсудив всё, не пришли к согласию. Мы решили быть вместе. Была помолвка, много гостей, мы были счастливы. Наша помолвка длилась около десяти лет, это долго, но, учитывая наш напряжённый график — это нормально. Наши отношения были столь же страстными, но, в тоже время, они стали стабильны... я полагал, что пришло время для того самого шага, Линда была согласна со мной. Я купил эту квартиру, хотя до этого жил в пригороде, и это устраивало меня... Она полностью обставила здесь всё по своему вкусу... и этот интерьер устроил меня, мы оба редко бывали дома, так что всё это... не так угнетало, в конечном итоге. Мы должны были назначить день свадьбы, но всё время что-то мешало... часто мы жили на разных континентах. Но и это было неважно, за много лет мы привыкли к такой форме общения, на некоторые... хм... издержки мы старались не обращать внимания, ведь главное, что внутри пары. Казалось, что через столько лет мы достигли гармонии, но... у нас не было согласия в главном вопросе, для меня принципиальном. Я откладывал, сколько мог... но... это было важно. Это и сейчас важно.

Он посмотрел на Надю, которая не перебивала его, а только аккуратно, словно поощряя, легко гладила по плечам.

— Я из большой и дружной семьи, Надя, я говорил тебе. Мой брат, его семья, младшая сестра, когда она родилась, родители на некоторое время полностью переключились на неё, но мы всегда ощущали, что любимы и важны родителям... Родители, дед, тётки, дяди, бесчисленные кузины и кузены, все эти люди важны для меня, так же, как и я для них, любой из нас. Наверное, поэтому я всегда хотел детей, минимум двоих, но ничего не имею против пятерых. В любом случае — это важно, для меня дети — основа брака, то, ради чего стоит жить и работать. В конечном итоге мы приходим к старости, и наши нужды не так уж и велики. Мой дед сидит на веранде, любят на розы и собирает урожай яблок в своём саду, он обладатель солидного состояния, но ходит круглый год в одних штанах, которые купила ему покойная ныне жена, моя бабушка, и основной его интерес — это его дети, внуки и правнуки. И это правильно, так устроен мир... мы ничего не можем забрать с собой в иной мир, но мы можем оставить детей и плоды своего труда или творчества, конечно. Дети мне кажутся важнее.

Так или иначе, Линда была в курсе моих взглядов и того, насколько это важно для меня, вероятно, излишне важно, но так уж я устроен. Она же откладывала рождение ребёнка, хотя бы одного. Всегда находился проект, который важнее, к тому же, она панически боялась испортить фигуру.

Надя посмотрела на фотографию и поняла Линду, имея она такую, почти невесомую фигурку, она бы тоже боялась её испортить.

— Да, Линда очень стройная, — он перехватил её взгляд, — на мой взгляд — излишне, но таковы требования.

— Только не говори, что тебе надоели стройные модели, — Надя приглушённо засмеялась.

— Красивые женщины надоест не могут, но в данный момент меня устраивает женщина, которая прямо сейчас со мной. Меня бесконечно восхищают твои формы, Надя, иначе я бы не был с тобой.

— Логично, — Надя кивнула головой, взглядом поощряя продолжать рассказ о том, о чём он говорил минуту назад.

— Мы не могли найти компромисса в этом вопросе, вероятно, я излишне давил, и понимаю сейчас это, меня извиняет то, что мне необходимо было знать, планировать, понимать, что в конечном итоге у нас будет полноценная семья и дети... В итоге мы поговорили начистоту, это был долгий и болезненный разговор, в итоге которого мы приняли решение расстаться. На этот раз окончательно. Это было довольно болезненно, но правильно. Нет смысла пытаться построить семью, если появляются разногласия в основном для нас вопросе.

— И для тебя это дети? — она посмотрела внимательно на Роя, борясь с удивлением.

— Да, моя сестра рассталась с бойфрендом из-за того, что он отказался становиться вегетарианцем, для неё это является основным вопросом.

— О, всё это имеет смысл... у нас говорят: «договариваться надо на берегу», — Надя объяснила смысл поговорки, и Рой согласился.

— Значит, никаких измен, ухода к продюсеру, всего того, что писали.

— Мы не были святыми, ни я, ни Линда, но эти связи тщательно скрывались, и друг от друга тоже, хотя очевидно, что, при таком графике, у нас обоих случались слабости. Но мы старались не придавать этому значения, и, откровенно говоря, я больше склонен к постоянным отношениям, мне так комфортней. Если ты понимаешь, о чём я...

— Примерно, — она глянула на Роя, — это довольно двояко звучит...

— Другими словами, я стремлюсь не изменять тебе, Надя, то, что ощущаю между нами, эти чувства, я стремлюсь не растерять их. Я уже проходил через страстные отношения, которые невозможно контролировать, но сейчас я старше и думаю, что научился ценить минуты близости с женщиной в достаточной степени, чтобы не растрачивать на... пустяки.

Рой посмотрел на Надю, внимательней, чем она ожидала, и она отвела глаза.

— Я напугал тебя?

— Эм, самый потрясающий мужчина говорит, что он старается быть мне верен... кхм, это немного неожиданно, но это определённо не пугает меня.

— Я самый потрясающий мужчина? — он нагнулся, словно сейчас поцелует, улыбаясь.

— Определённо.

Рой аккуратно пересадил Надю на стол и встал между её разведённых ног, медленно снимая с её плеч шёлк бретелек, опускаясь губами ниже, в ложбинку между грудей, немного сжимая соски, потом прикусывая, слушая громкое сбивчивое дыхание, а потом и стон. Проведя рукой вдоль длинного разреза пеньюара, он пальцами водил по коже, а потом Надя почувствовала, как влажные поцелуи опускались ниже и ниже, пока не достигли своей цели. Рой закинул одну ногу Нади себе на плечо, а другую опёр о стул, сама же женщина и не думала закрываться. Она получала максимальное удовольствие, любое, которое мог дать ей мужчина, а он был щедрым на ласку. Они словно дышали в унисон, даже не подстраиваясь друг под друга, но действуя синхронно и открыто. Надя внимала его обожанию и не стеснялась дарить такое же в ответ.

Его же «я люблю тебя», перед тем, как кончить, когда она, сидя, принимала его, держась и царапая за плечи, прикусывая его губы, заставило её испытать сильнейший оргазм. Эти слова, произнесённые тягучим, слегка хрипловатым голосом, в моменты страсти всегда действовали подобным образом.

Держась за его шею, остывая, приходя в себя, она шептала: «Я люблю тебя».

К вечеру, когда казалось, уже не осталось сил на секс и откровения, и над квартирой повисла удобная тишина, Рой произнёс.

— Надя, сегодня Свен обедает с семьёй, возможно, ты захочешь присоединиться... он будет рад, я буду рад.

— Это удобно?

— Да, он давно просит вас познакомиться.

— Эм...

— Вы уже встречались, и это не было так уж страшно.

— Верно, — Надя чуть не рассмеялась собственной трусости.

Она оделась просто, платье из мягкого трикотажа средней длины, минимум аксессуаров и обувь на невысоком каблуке. Под стать Рою в стиле кэжуал.

— Тебя не узнают? — забеспокоилась.

— Это не причина сидеть дома, пойдём, — открыл дверь.

К её удивлению, Свен пришёл с женой Паулой и детьми, Филиппом и Анной. Надя была удивлена, но постаралась виду не подавать, тем более что вскоре Филипп полностью овладел её вниманием, они мало понимали друг друга, но сборка машины лего, прямо за столом ресторана, отодвинув приборы, очень сблизила их двоих.

«Совместный труд» — вспомнила Надя слова Матроскина, но говорить не стала,

уверенная, что никто из присутствующих не смотрел этот мультфильм, да и поняли бы его? Анна уснула на руках у Роя, но он не спешил отдавать её Пауле, приятной блондинке, таких же, как и Надя, форм.

Вероятно, даже более полненькой, её талия не была узкой, и под платьем был небольшой животик — следствие двоих детей, но это не портило женщину, было видно, что Пауле удобно в её теле, и, более того, это тело устраивает её мужа. Между ними двумя постоянно проскакивали искры, и Надя даже пару раз отвернулась, стесняясь отчего-то.

— Мы не скрываем проявления любви и привязанности, — шепнул Рой.

— О, всё нормально. — всё, действительно, было нормальным, никто не целовался, не устраивал представлений с жаркими объятьями, но в одном прикосновении рук было настолько много интимности и любви, что Наде становилось неудобно.

Свен неплохо говорил на английском, не бегло, но для общения, преодолевая акцент и с помощью Роя, хватало. Паула же почти не понимала, и ей переводили либо Рой, либо Свен.

Рой, что-то быстро сказал Пауле, и та в удивлении посмотрела на Надю, потом на Роя, потом снова на Надю, захлопала в ладоши и что-то спросила.

— Паула интересуется, как у вас происходит помолвка.

— У нас?

— В России. Есть какие-то особенные традиции?

— У нас не бывает помолвок, — Надя улыбалась. — Может быть, сейчас, среди совсем молодых людей, но это скорее частная инициатива.

— А как же вы обозначаете, что жених и невеста? — Паула смотрела то на Свена, то на Надю, то на Роя, ожидая ответа женщины.

— Никак, — пожала плечами. — Пока люди хотят быть вместе — они будут вместе, а если мужчина хочет жениться — он женится.

— Это так... просто, обыкновенно.

— Вероятно, мы не самые сложные люди.

— Скорее наоборот, — это сказал Свен.

Они немного прогулялись и, к удивлению Нади, их не останавливали.

— Ты преувеличиваешь степень моей популярности.

— Я несколько не преувеличиваю, — Надя вспомнила разрастающиеся фан-сайты и группы в социальных сетях, мелькавшие фотографии в светской хронике и набирающий бешеную популярность сериал. Было похоже, что сами производители не ожидали такого успеха. Исторический сериал, с толикой любви, завоёвывал телевизионные пространства мира, а Рой Флеминг — сердца женщин. Даже с момента их первой встречи он стал ещё более популярным, что не могло не пугать Надежду, но она старалась принимать ситуацию такой, какая она есть, дав себе установку насладиться этим моментом и этим мужчиной.

— Это не такой и большой город, люди знают, что я живу здесь, и проявляют тактичность... Я такой же горожанин, как они, именно поэтому тут мой дом.

— Да, это хорошо, когда есть такое место.

К ночи, устав, они вернулись домой и, зайдя в кабинет, в котором утром Рой рассказывал о своих отношениях с Линдой, Надя в удивлении обнаружила, что рамки с фотографиями, которые представляли собой довольно сложную конструкцию, сняты.

— Я вызвал рабочего, — пояснил Рой, — я почти не живу здесь и не замечал их, но было бестактно с моей стороны приглашать тебя и позволять увидеть эти фотографии. Это часть моего прошлого, и ты имеешь право знать его, но... некрасиво выставлять на

обозрение.

— Хорошо, — Надя почувствовала облегчение.

— Надья, я не обманываю тебя, я люблю тебя, это сильное чувство, довольно интенсивное, я хочу его контролировать, хочу упорядочить, но это не слишком поддаётся контролю.

— Для чего ты хочешь контролировать это?

— Наша ситуация с тобой довольно сложная, Надья. У нас разные корни, разная культура, разное воспитание... у нас даже язык страсти разный. В моменты близости ты говоришь на русском, а я на немецком... И, главное — это расстояние и время, поэтому, чтобы не создавать ещё больших трудностей, я контролирую себя...

— Прости, я не понимаю тебя.

— Я хочу, чтобы ты переехала сюда, жила в этом доме или, что было бы правильной, в другом, на твой вкус. Хочу, чтобы он стал нашим домом... но я понимаю, насколько это сложно, международные браки всегда риск, а учитывая мою сферу деятельности, твою неосведомлённость и неготовность к подобному...

— Браки? Рой?

— Да, — он выглядел спокойным, тогда как Надя села на диван и хмурила брови, — да, я бы хотел вступить с тобой в брак... не слишком романтично, да?

— Нет, совсем не романтично.

— Хм... но и ситуация далека от идеала, я не могу просить тебя переехать сюда, изменить полностью свою жизнь, изменить кардинально, скорей всего, ты не предполагаешь — насколько. Я понимаю, что тебе могут понадобиться гарантии своего благополучия в дальнейшем, и я готов обсудить этот вопрос не только с тобой, но и юристом. У тебя есть юрист?

— Рой, у меня нет юриста, адвоката, у меня нет даже страховки жизни, и я... боже, брак?!

— Я хочу, чтобы ты была в моей жизни, и если для этого нужен брак, мы решим этот вопрос и...

— Ты можешь помолчать три минуты! — она вскрикнула.

Всё происходящее было слишком абсурдным, почти болезненно напоминало плохой любовный роман, богатый лорд женится на бесприданнице. Прямо сейчас Рой, как никогда, напоминал своего героя — высокий, с огнём в глазах, увлечённый идеей и предвкушающий будущую победу.

Надя понимала, что Рой Флеминг богат и популярен, она не понимала, каким образом, почему он был с ней, это не поддавалось логике, но эту ситуацию Надя если не понимала, то была готова принять и получить от неё массу удовольствий, столько, сколько ей дадут, пока Рой не устанет... но брак?

Это было слишком серьёзно и слишком неправда. И слишком страшно. И со слишком серьёзными последствиями. Скорее всего, всей фантазии Нади не хватило бы продумать эти последствия... чем она будет заниматься? На что жить? А если они разведутся? Он отсудит совместных детей? Он отсудит... Она ощущала себя героиней притчи, у которой не было сына, но она уже оплакивала его кончину.

Нет, это был слишком серьёзный шаг и слишком рискованный, никто не поступает так. Конечно, было правильно согласиться, уцепиться за эту почти сказочную возможность... но все помнят про сыр в мышеловке, к тому же Надежда была полностью согласна, что между

ней и мужчиной рядом слишком много отличий, и дело даже не в его статусе звезды экрана. Будь он рабочим с машиностроительного завода — отличий не стало бы меньше. Сейчас Надя не обращала на них внимания, старалась не думать о них и, по большей части, принимала ситуацию, как должное... но брак... Даже с бывшим мужем, с которым они разошлись не на дружеской ноте, и с Сергеем, отношения с которым Надежда прекратила, когда узнала об очередной «Олесе» и посчитала за должное, что не станет разрываться между двумя мужчинами — у них было больше общего. Они понимали одни шутки, смотрели одни фильмы и да, у них были одни корни. Один эпос и одно понимание жизни. Роя она часто не понимала, он был любовником, лучшим любовником, которого она могла себе представить... но мужем?

— Надья, я напугал тебя?

— Да, — она не стала скрывать, — я не знаю, что сказать, я не знаю, как реагировать... Ты мне предлагаешь брак, правильно я понимаю? И сначала всё обговорить с юристом, составить какой-то договор... или, что обычно составляется, я не совсем понимаю, ты говоришь про помолвку?

— У вас не принято, как ты сказала, если мужчина хочет жениться — он женится.

— Ты с ума сошёл...

— Нет, я пытаюсь сделать всё менее болезненным для нас обоих, я хочу обезопасить тебя.

— И себя.

— И себя, всё верно, это нормально, такой разговор нормален.

— Я понимаю, понимаю, но это просто не укладывается в голове. Почему ты не спрашиваешь меня, хочу ли я детей, или это тоже будем обсуждать с юристом?

— Полагаю, ты хочешь, — он присел рядом и положил свои руки на колени женщины, — ты хочешь детей, Надья, я не мог так ошибиться. Ты и брака хочешь, но слишком боишься, ты напугана и сильно, эта ситуация выводит тебя из зоны комфорта, и не будь я тем, кем являюсь, встретиться мы до моих съёмок в сериале, когда я не был настолько медиа-лицом... ты бы не боялась так. Но откуда тебе знать, что я не слишком изменился с тех пор... Я занимался театральными постановками, иногда, очень редко, снимался, я всегда был в этом, но никогда не был ходячим баннером. Соглашаясь на эту работу, я и представить себе не мог, что всё настолько изменится... Но это не навсегда, скоро всё закончится, и я не стремлюсь повторять этот опыт.

— Ты не собираешься больше сниматься? Это глупо, глупо отказываться от работы.

— У меня есть работа, та, что интересует меня, а не моего агента или продюсера, к тому же... у меня есть деньги, достаточно, реализовывать себя лучше всего в интересном для себя деле.

— Мне нужно время подумать.

— Ты дашь мне ответ до отлёта?

— Конечно, Рой, — она встала и вышла сверкающим коридором, идя не по своей линии жизни. Так она ощущала себя в этой огромной квартире хромированного цвета с привкусом стерильности.

Через час она зашла в домашний кинотеатр, с мягкими подушками в углублении в полу, и села рядом с мужчиной, который смотрел фильм. Он приподнял руку, приглашая Надежду, и придвинул женщину к себе, снимая с неё обувь.

— Тебе было достаточно времени, чтобы побыть наедине с собой? — Рой заглянул Наде

В глаза.

— Да, думаю, достаточно.

Рой замолчал и снова обратил взор на большой экран, Надя не понимала слов, но они не были нужны, знаменитый актёр на светящемся экране отстреливался из всех видов оружия, которое чудом, по чистой случайности, находилось на его пути, и казалось, даже палка в его руках, начнёт издавать пулемётные очереди.

— Я боюсь, — Надя прошептала очень тихо, но он услышал.

— Правильно, все бояться, Надя, и я боюсь. Жизнь — опасная штука, опасная, именно поэтому мы уделяем столько внимания технике безопасности, — он говорил так же, как в горах, перед её безумным первым полётом. — Опасная, но увлекательная. Ты обещала мне больше не бояться жить. Попробуешь?

— Да, — выдохнула, — но я ничего не понимаю в юридическом плане, поэтому, можно, ты этим займёшься?

— Хорошо, этим займётся мой юрист, тебе пришлют документы, как на английском, так и на родном для тебя языке, для ознакомления, и обещаю, что ты познакомишься, техника безопасности, помнишь?

— Ладно. И, Рой... раз уж мы договариваемся на берегу, я хочу сказать, что отказываюсь рожать пятерых детей, категорически, думаю, трое — мой предел.

— Трое?

— Да, — твёрдо, — не больше.

— Мне нравится эта цифра, — ухмыльнулся, — надеюсь, мы можем приступить к выполнению этого плана прямо сейчас? — Его пальцы едва касалась пальцев Нади, он всего лишь невесомо дышал в светлые пряди волос женщины, но это заставляло её сердце бешено биться и желать большего.

— Предлагаешь перестать предохраняться? — она покрутила в руке пакетик из фольги, который достала из кармана Роя. — Вот так, без подписи юриста?

— Жизнь — опасная штука.

И они рискнули, не один раз.

Глава 7

Надя ещё раз прокрутилась, сидя на компьютерном стуле, и ещё раз, потом её глаза опустились на листы формата А4 и побежали по строчкам.

— О, что это? — появившийся, как всегда без стука, Сергей.

— Соглашение, — буркнула, смотря, как Сергей бесцеремонно взял кипу листов и стал пролистывать, иногда останавливаясь.

— Брачный контракт, что ли?

— Нет, пока нет, это предварительно...

— По объёму больше похоже на тору, — ухмыльнулся, — понимаешь что-нибудь?

— С трудом.

— Помочь?

— Я даже не знаю...

— Надя, брось, я рад за тебя и беспокоюсь, мы не один год были вместе... это самое малое, что я могу сделать. Давай, я почитаю, если надо, привлеку юристов, что ты согласишься в их семейном праве?

— Нуууууу...

— Облопошит тебя, будет тебе «ну».

— О, да, я вижу заголовки газет: «Рой Флеминг отсудил у русской невесты квартиру в Подмосковье».

— Ага, тоже не будем исключать, — погрузившись в чтение, — фьють, — присвистнул, — ничего себе «отступные», Надя, а давай, я у тебя Флеминга уведу, а он мне изменит.

— Придурок ты, Серёжа.

— Да, но тогда я буду богатым придурком, думаешь, он не поведётся на меня? — взял лежавшую в стороне косынку, повязал на голову и стал, кривляясь, расхаживать по кабинету. — Ты посмотри на меня, какое я кокетко.

— Пожалуй, я не стану вас знакомить, — якобы задумчиво, давясь смехом.

— Ты разбиваешь мне сердце!

— У тебя его нет, успокойся.

Прошедшая пара месяцев ушла на то, что Надя пыталась привыкнуть к мысли о своём новом статусе и будущих изменениях в жизни. Поначалу она была напугана и сильно, всё представлялось ей в тёмных красках, хотя, казалось бы, она должна была радоваться таким сказочным изменениям. Ожившая сказка про Золушку, где сама Надя играла главную роль. Она всё время подспудно ждала, что карета вот- вот превратится в тыкву, но этого не случилось. В итоге Надя, казалось, стала привыкать.

Никаких официальных заявления от Роя Флеминга не поступало, но Надино лицо стало мелькать в таблоидах, выплыли старые фотографии её встреч с Роем, где она была так же опознана, но, в целом, её жизнь не сильно изменилась. Никаких толп журналистов или вспышек фотокамер не было. Да и откуда, в этом городе?

С Роем им удалось встретиться ещё пару раз, один раз в Москве, на таком же мероприятии, где они и познакомились.

В этот раз Надя прошла практически моментально, по VIP-карте, ближе к завершению чтобы не привлекать внимание и не отвлекать от работы Роя. Её быстро провели за импровизированные «кулисы», служебными проходами и длинным коридором, вдоль ряда дверей с безликими номерами.

Надя вошла в одну из таких дверей, после указания молоденькой ассистентки, и, к своему удивлению, застала там не только Роя, но и Рекса Фроста, который коротко и приветливо поздоровался с Надей, явно не узнав её, она и не ожидала.

Рой прервал беседу, чтобы встать и поцеловать Надю, она на минуту потерялась в ощущениях, но, в конец концов, отстранилась, присаживаясь рядом с Роем.

Он представил Надю как невесту, под удивлённый взгляд Рекса, который, впрочем, быстро сменил выражение лица на вежливое, и, перекинувшись парой слов, вышел из гримёрки.

— Вау, — прошептала всё ещё немного ошеломлённая Надя.

— Хочешь, я возьму для тебя автограф, — пошутил Рой, — это легко можно устроить.

— У меня есть автограф... я, кстати, не помню, где он, — засмеялась, — правда, я не помню. — Надя попыталась вспомнить, куда убрала те фотографии, когда читала последние новости о Рексе Фросте или хотя бы заходила на сайт...

— А вы, — взмахнула рукой, — друзья? Хорошо знакомы?

— Нет, — Рой ухмыльнулся, — мы в процессе обсуждения одного проекта, иногда

некоторые детали легче обсудить лично, и сейчас очень удобный случай.

— А какого?

— Хм, — Рой внимательно посмотрел на Надю, — я не должен распространяться об этом, но ты же не пойдёшь к прессе?

— Нет, — улыбнулась.

— Это театральная постановка, Рекс хочет попробовать свои силы в этом, а я заинтересован в нём...

— Ты?

— Это моя постановка, помнишь, я рассказывал тебе.

— О, — Надя вспомнила и улыбнулась переменам в её жизни, тому, что она обсуждает подобные вещи и с кем, и, главное, что всё происходящее не так уж и пугает её. Во всяком случае, не всегда пугает.

— Ему интересно попробовать силы в театральной постановке, он подходит мне практически идеально... как и Агне.

— Твоя сестра тоже задействована?

— Да.

— Кумовство и сватовство, — по-русски. — Ты продвигаешь свою сестру, — на английском.

— Это правда, но у неё уже есть подобный опыт, она неплоха в этом, я уверен в ней, а если она не будет соответствовать — она выйдет из проекта.

— Может, ты расскажешь подробнее, потом?

— Конечно, сейчас мне надо идти, — он задержался на глубокий поцелуй и, вздохнув, вышел.

Ночью они ехали на заднем сидении такси, которое везло их мимо огней ночного города. Изначально у них были планы прогуляться, пройтись по старым улочкам в свете фонарей, вдохнуть душных воздух Московских улиц, но сейчас... почти ночью, они мчались в гостиницу, где Рой вошёл первым, за ним прошла Надя, обходя небольшую группу фанатов, которым Рой раздал фотографии и сфотографировался, улыбаясь.

— Это пугает... — сказала Надя в тишине лифта.

— Ты привыкнешь.

— Некоторые из них сфотографировали меня.

— Надья... мы можем отрегулировать этот вопрос, решить вопрос передвижения, если тебе некомфортно, и ты чувствуешь давление.

— Не надо, не усложняй всё, это же нельзя сравнить со славой Рекса Фроста.

— О, да, — он засмеялся, вспоминая, что Рексу пришлось задержаться на какое-то время, чтобы раздать фотографии всем желающим, прошедшим в специальную зону, как его одёргивали и просили поторопиться, а он только улыбался и быстро расписывался на протянутых листах бумаги, фотографиях, руках... кажется, даже не видя самих просителей.

Они заказали ужин в номер, но служащему пришлось подождать, потому что Рою было не оторваться от губ Нади, которые он целовал, прикусывал, исследовал, отпуская, только чтобы перевести дух, но своим не давал покоя — они скользили по шее, мягкости груди, сжав немного сосок, потом другой, не давая ей выйти из ванной комнаты, буквально слизывая капельки воды, которые стекали по её телу с мокрых волос.

Когда с ужином было покончено, терпение Роя, казалось, дошло до предельной точки. Он сильно дёрнул на себя женщину и прижал её к себе, упиваясь запахом и теплом тела.

— Я люблю тебя, — шептал куда-то в губы, в шею, между грудей, — люблю тебя, люблю...

Наде казалось, что это сумасшествие, что такого не может быть, просто не бывает, но вот она — правда. Это она — Надежда, а рядом самый потрясающий мужчина, который встречался ей за всю её, не такую и богатую на события, жизнь, и он не только говорит, он показывает, что он любит её. Всем телом, срывая с Нади лёгкие покровы скованности или неуверенности в завтрашнем дне.

Слёзы брызнули из глаз от переизбытка эмоций, когда Рой сильно, но по-особенному деликатно вошёл в неё и начал двигаться, при этом не спрашивая причину слёз, понимая её... принимая.

Через несколько дней Сергей отдал распечатки, которые вручила ему Надежда, со словами: «В целом всё нормально, но вот эти пункты сомнительные, посмотри-ка на досуге, я пометил».

Надежда мало что понимала, да и не хотелось ей вникать в юридические тонкости, однако желание «подстелить соломку», особенно учитывая, что инициатива исходила от Роя, толкало её на изучение параграфов и подпунктов. Иногда она обращалась к Рою за уточнением, понимая, что юридические вопросы лучше решать с юристом... но доверяла она всё же своему мужчине, а не какому-то парню с диплом престижной юридической школы.

— Рой, вот этот пункт, он кажется мне очень странным, — она подобрала ноги под себя и сидела, облокотившись о мужчину. — Знаешь, мне начинают надоедать эти формальности, если это только предварительное соглашение, то что будет с контрактом. У меня начнётся климакс раньше, чем мы его подпишем, — она только наполовину шутила.

Они встречались несколько раз, но вместо приятных прогулок, она проводила время, решая формальности и изучая нюансы законодательства.

Конечно, Рой был однозначно прав, и Надежда должна была думать о своих интересах, а он — о своих... но ей не думалось.

— Это почти стандартный пункт, это важно для меня, мы обсуждали это не один раз.

— Я понимаю... но...

— Надья, это не касается полностью твоего и моего здоровья, только репродуктивного. Для меня важно иметь детей, и я хочу быть уверенным, что ничего не помешает нам осуществить наши планы.

— Да, конечно, я хочу детей, Рой. Просто мы уже сдали массу всяких анализов, зачем ещё и это?

— Мой адвокат посоветовал, это формальность, Надья. Такая же, как большая часть этого соглашения. Мы пройдем это и отправимся в пригород, помнишь, тот дом, что я показывал тебе? Его выставили на продажу, мне кажется, он должен тебе понравиться.

— О, это интересно.

— Решено, после клиники едем смотреть дом.

Риелтор был любезен, и, хотя Надя не поняла ни слова из сказанного им, дом ей приглянулся. Он не был пугающе огромен, несколько спален, просторная кухонная зона и большая территория вокруг дома. Идеальное место, чтобы жить и рожать детей, подумала Надя, отмечая про себя, как же быстро человек привыкает к хорошему. Ещё совсем недавно её бы, скорее всего, испугала перспектива такой недвижимости, а сейчас она с удовольствием представляла возможную перепланировку и даже детский городок на заднем дворе.

Брат Роя Свен, с женой Паулой, жили неподалёку, что тоже послужило причиной того, чтобы склониться к покупке именно этого дома. С квартирой было решено расстаться. Надежда чувствовала себя не слишком уютно в этом интерьере, к тому же незримый образ бывшей невесты иногда не давал покоя немотивированной ревностью, ведь, если смотреть правде в глаза, у Надежды было более чем достаточно поводов для ревности помимо Линды... Рою же не нравилось расположение квартиры, он предпочитал уединение и закрытость. Последняя пара лет и съёмки в ставшем для него знаковым сериале, принесли ему не только популярность, но и излишнее любопытство толпы, которого он стремился избежать.

Уже знакомая клиника поразила какой-то вопиющей стерильностью, казалось, даже у бесшумно передвигающегося персонала стерильные не только улыбки, но и мысли. Врачи, самой высокой квалификации, разговаривали предельно вежливо и даже учтиво, сказав, что окончательная их встреча произойдёт через несколько дней.

Рой настаивал на планировании торжества, Надежда же хотела тихую и, конечно, гражданскую церемонию. В итоге, найдя примерный компромисс, зная, что Рою предстоит долгий съёмочный процесс, они отложили решение «на потом», а пока наслаждались обществом друг друга и Свена с Паулой.

Накануне Рой представил Надежду родителям, которые отнеслись к выбору сына скорее доброжелательно и даже с интересом, тем не менее, соблюдая границы.

Они давно не вмешивались в дела своих выросших детей и не считали нужным как-либо комментировать их выбор и решения. Так что Надя так и не пришла ни к какому выводу, как же на самом деле будущие родственники отнеслись к подобному мезальянсу, в итоге решив не думать об этом... Ей предстояло решить много проблем и приспособиться к совершенно чуждой для неё жизни, так что некоторое равнодушие Надежда восприняла за благо.

Врач, лощённый, словно накрахмаленный до хруста, говорил что-то на немецком Рою, иногда бросая короткие взгляды на Надежду.

Потом стал разговаривать с Надеждой, и только спустя время до неё стал доходить смысл фраз. Как общий, так и конкретный...

«Возможность очень мала».

«Можно использовать некоторые шансы».

«Время упущено».

«Осложнения практически фатальны».

«Если бы год назад... но, увы».

Увы, история не знает сослагательного наклонения, Надежда упустила свои шансы стать матерью, она попросту игнорировала этот аспект своей жизни и здоровья, надеясь на случай и природу. И природа отомстила ей — жестоко. Последнее воспаление, которое она перенесла дома, отказавшись ехать в больницу и пройти полноценный курс лечения, несмотря на все уговоры своего любовника, который буквально настаивал на этом, в конце концов, даже привозя врача на дом... оказался фатальным для её репродуктивного здоровья. Шанс был, мифический, почти сказочный, и стоил ли он тех жертв, который предполагает подобный метод? Но при любом, даже самом благоприятном стечении обстоятельств, речь могла идти об одной беременности, а значит, ни о каких двоих, троих и даже более детях не могло быть и речи... ни о чём, что было важно для Роя.

Она вежливо поблагодарила врача и, встав, вслед за Роем покинула светлый кабинет в

тонах кофе с молоком.

Тишина, повисшая между ними двумя, угнетала, но Надя не нуждалась в словах поддержки или утешения. Всё дальнейшее было ясно, оговорено до, решено заранее.

— Надья, — Рой выглядел потерянным, он всматривался в лицо женщины, которая, поджала губы и пару раз сглотнув, произнесла:

— Пожалуйста, ничего не говори, не надо. Это будет лишним, я всё понимаю, всё. Это важно для тебя... возможность иметь детей важна для тебя — это твой приоритет. Поэтому, пожалуйста, не унижай сейчас ни меня, ни себя пустыми словами.

— Ты слышала, есть шанс...

— Я слышала достаточно! Шанс? Ты смеёшься, да? Шанс на что? А если не получится? Если этот единственный шанс так и останется только шансом, что тогда, Рой? Что? Ты можешь мне сказать? Ты откажешься от возможности иметь детей?

— Приёмные... — он выглядел растерянным.

— Рой, ты не один раз говорил, что готов помогать сиротам и помогаешь им, но категорически против того, чтобы усыновлять. Ты хочешь СВОИХ детей, и я не могу тебе их дать. По-моему, всё очевидно, разве нет? Разве не для этого мы затеяли все эти обследования, эти соглашения...

— Надья...

— Я должна побыть одна, — она села в такси и уехала вдоль узкой улочки старинного городка, глотая слёзы. В аэропорту она проверила баланс своего счёта, взяла билет на самолёт и через несколько часов проходила таможенный досмотр в Москве.

— Надюша, — Сергей посмотрел на опухшее от слёз лицо женщины и молча взял её под руку, — где твои вещи?

— Я без вещей...

— Ясно, — открывая дверь в машину, — присаживайся, доставим в лучшем виде, спасибо, кстати, что позвонила мне.

— А кому мне ещё звонить?

— Сестре?

— Не хочу сейчас ни с кем разговаривать...

— Не говори.

Она молча смотрела на дорогу, иногда глотая горькие слёзы разочарования. В себе ли, в ситуации или в Рое, от которого она не получила ни одного сообщения за все эти часы... ни одного! Всё, что помнила Надя — это его взгляд вслед такси... первый час она была уверена, что он позвонит, что они поговорят, что-то решат... даже если расстанутся, то не так. Потом она просто надеялась, а теперь... теперь она не могла погасить в себе обиду и боль от разочарования.

Где-то в глубине души она знала, что эта сказка не закончится хеппи-эндом, что карете суждено превратиться в тыкву, но, смотря на эту тыкву и крысу вместо кучера, испытывала жалость к себе. И какую-то досаду.

Пришла в себя только от звука резкого торможения и почти удара о лобовое стекло, удержал ремень.

— Покричи, — услышала от Сергея.

— Что?

— Что ты тут из себя героиню изображаешь. Кричи! — он открыл дверь с её стороны, выдернул ремень безопасности и дёрнул Надю на улицу. — Кричи! Сильно!

— Ты с ума сошёл, на обочине трассы?

— И что? Кому какое дело?

— Серёжа...

— Да я уже прорву лет Серёжа, кричи, ори, сопротивляйся, плач, но не молчи так!

— У меня всё нормально.

— Надь, он бросил тебя.

— Ты не понимаешь...

— Он бросил тебя, как бракованную, как отброс, который не подошёл ему, ты не вписалась в его идеальную жизнь и идеальный план — и он бросил тебя! Бросил, как кусок дерьма, который не соответствует! И ты или сейчас это признаешь и выорешь всю дурь, или сойдёшь с ума. Кричи.

Надя молчала.

— Кричи, я сказал!

Она немного вскрикнула.

— Громче, Надь, громко, пусть весь мир пойдёт на хрен, тебе больно!

— Серёжа, мне больно, — она всхлипнула, несколько раз, а потом закричала, так, что, казалось, сама оглохла, она стояла рядом с капотом дорогой иномарки и била по нему руками и даже иногда ногами по бамперу, и кричала, кричала, кричала, пока не опустилась в бессилии на серый асфальт... И не заплакала, наконец, тихо, отпуская от себя ситуацию и острую боль.

— Пойдём, моя хорошая, — Сергей усадил Надежду, прикурил сигарету и тронулся с места.

— Звёзды часто разочаровывают, — она усмехнулась, глядя на себя в зеркальце, протирая потёки туши.

— Мужики часто разочаровывают, Надя, но, правду сказать, этот твой Рой Флеминг как-то сильно непорядочно поступил.

— Кто бы говорил о порядочности, Серёжа, — Надежда посмотрела на бывшего любовника, — тот, кто, кажется переимел всё, что старше восемнадцати лет... А у тебя, между прочим, жена, дети... ты тоже, знаешь, не образец добродетели.

— Верно, не образец, — он помолчал и закурил ещё одну сигарету. — Моя жена больна.

— Что?

— У неё заболевание, доброкачественное образование в головном мозге, и это сказывается на качестве нашей половой жизни... о чём я... у нас просто нет этой жизни, Надь...

— Прости, ты не говорил.

— Не считаю нужным распространяться о недуге своей жены. Поначалу она пыталась, знаешь, через силу... но... Сейчас это образование растёт, и становится только хуже, во всех сферах хуже, память, координация движений, эмоциональность, всё, — он выкинул сигарету и закурил ещё одну. — Мы искали пути решения, но пока не нашли, операция практически гарантирует, что она превратится в растение... она боится этого, сильно. Да и дети у нас ещё маленькие... мы тянем, сколько можем. Я просто надеюсь, что однажды она перестанет понимать, что с ней происходит, хотя врачи говорят, что это маловероятно. И да, я не принц из ваших бабских сказок, я хочу близости, хочу целовать женщину и чувствовать взаимность, порой я тупо хочу секса, порой хочу много секса, да, я не смог задушить в себе мужские

инстинкты и потребности, а может, и не пытался вовсе, но я не выбросил свою жену, как кусок отбракованного дерьма... я с ней пройду всё, что нам уготовано... Она не вещь, которая вдруг перестала меня устраивать, а значит, можно её на обочину жизни. Вот такая двойная мораль, Надюша, но, я не идеальный герой-любовник — справляюсь, как могу, жалею её, люблю, наверное, но и отказаться от здоровых отношений со здоровой женщиной не могу... Не идти же на химическую кастрацию, честное слово.

— Ох, Серёжа...

— Вот такие дела... — он закурил ещё одну сигарету и молчал уже до самого дома Надежды.

Жизнь быстро вернулось в спокойное русло, это оказалось не так и сложно. Постепенно Надя даже стала испытывать благодарность Рою за всё, что случилось в её жизни. За то, что он там был и принёс фейерверк ощущений, даже за это, когда-то казавшееся нелепым, предварительное соглашение, ведь именно благодаря ему Надя не испытала ещё большего разочарования.

Единственное, что давалось Наде тяжело — это отказ от возможности издали следить за жизнью и творчеством Роя Флеминга. За последующими вопросами журналистов, касающихся будущего брака Роя, на которые он отвечал неизменным: «Предпочитаю не говорить об этом».

Она старалась не пропускать новости и отслеживала всё, что могла отследить, но и от этой привычки она находила в себе силы отказаться. Слишком болезненными были воспоминания, каждый раз, видя Роя, она не могла сдержать слёз, и в итоге приняла решение не видеть его вообще...

Снег укрыл новый микрорайон, где располагалась квартира Нади, они часто виделись с сестрой, которая обходила стороной болезненные для Нади темы и даже пыталась скрыть свою беременность, а когда она стала очевидной, Надя долго обнимала Любу.

— Какая же ты дурная у меня... ну и что, что я не могу иметь детей, неужели мне это мешает порадоваться за вас!

— Мне вроде как стыдно...

— Не выдумывай! Рассказывай, сколько уже? Видно кто? Девочка? Мальчик? Ох... нанянькаюсь я в этот раз. Возьмёшь меня в няньки?

— Серёга-то отпустит?

— Кто его спросит, — отмахнулась Надя.

Вместе с первым снегом в её жизнь вернулся Серёжа, немного неожиданно для неё. Задержавшись на работе, она увидела Сергея, который тоже засиделся, и улыбнулась ему.

Он молча подошёл, отложил в сторону её бумаги и поцеловал женщину. Вероятно, этот поцелуй не принёс то удовлетворение, которое приносили ей поцелуи Роя... это был поцелуй двух людей, словно вынужденных поддерживать подобную связь, горчил и оставлял привкус недосказанности... но он устроил Надежду.

Сергей по-прежнему не претендовал на личное время Нади и был внимательным любовником, даря небольшие, но приятные ей подарки. Они делили одиночество и какую-то неустроенность. На этот раз Надя училась быть более внимательной к своему любовнику, уже лучше понимая его и не берясь судить. Никто не знает, как бы он поступил в подобной ситуации... Надя не знала точно.

Новый год она встретила в кругу семьи, в далёком посёлке, слушая ворчание отца на неустроенность старшей дочери, занимаясь с племянниками и купаясь в высоких белых

сугробах.

— Надя, — муж сестры в нерешительности посмотрел на Надежду, но потом всё же взял в руки планшет... я тут скачал кое-что... думаю, тебе надо это посмотреть.

— О, боже, не говори, что это футбол! — Надя засмеялась.

— Нет, — он нажал на треугольник старта, и Надя увидела лицо Роя Флеминга. Камера наезжала на него, потом, поочерёдно, на других актёров пресс-конференции, приуроченной к окончанию съёмок. Задавались типичные вопросы, Рой выглядел немного потерянным, уставшим, помимо воли Надежда почувствовала беспокойство за этого мужчину, который за это время так и не дал о себе знать... ни разу.

— Рой! — выкрикнул один из журналистов. — Вы только что добавили фотографию, что это значит для вас? — журналист поднял в руке телефонный аппарат, и камера сфокусировалась на изображении, нечётком. Через пару секунда в эфир пустили ту самую фотографию, и Надя с удивлением увидела себя на фоне зелени многолетнего дуба и синего высокого неба... она мягко улыбалась на той фотографии, её волосы растрепал тёплый ветер, и казалось — она счастлива.

— Что значит эта фотография? Эта женщина — ваша невеста?

— Эта женщина — моя жизнь, — ответил коротко и, быстро встав, вышел.

Надя молча смотрела на потемневший экран, пытаясь не заплакать...

— Когда это было?

— Три дня назад.

— Понятно...

Она встала и молча вышла из комнаты, надевая на ходу сапоги и куртку, чтобы продышаться и не заплакать при всех.

«Моя жизнь».

Жизнь, которую просто отодвинули в сторону, потому что она не соответствует планам?

Она не пыталась объяснить себе поступки Роя, он был актёром, он играл, обманывал, лицедействовал...

Скрип снега вывел из задумчивости.

— Серёжа?

— Надя, там у меня в машине... — он тяжело вздохнул. — Знаешь, я чертовски хотел повторить подвиг Сусанина, и если ты сейчас мне скажешь это сделать — я не буду сомневаться ни минуты, потому что этот немчик точно заблудится в наших российских полях и лесах.

Надя в удивлении посмотрела на Роя Флеминга, который с интересом выглядывал в окно, выглядя при этом немного ошарашенным.

— Как? Что? Ерунда...

— Ерунда не ерунда, но он припёрся прямо в офис и потребовал тебя.

— И ты понял? Как?

— Даже если бы у меня не было ещё парочки переводчиков, пока ты в отпуске, Надюш, согласишься, очень мало шансов, что Рой Флеминг приехал купить парочку турбин, так что... я привёз его сюда, но с радостью прикопаю где-нибудь в палисадничке.

— И что, он без охраны?

— Да кому он сдался, в наших реалиях-то? Ну? Увозить? Убить?

— Аааа...

В это время Рой вышел из автомобиля и подошёл к Надежде и Сергею.

— Я, пожалуй, зайду в дом, — проговорил Сергей, — надеюсь, твой отец всё так же рад мне.

— Не сомневаюсь в этом, — Надя, глядя на Роя, на то, как нелепо он смотрелся тут... среди русского пейзажа. Наверное, ещё более нелепо, чем сама Надя когда-то в его жизни.

— Зачем ты приехал?

— Надья, я люблю тебя.

— Ты уже говорил это.

— Я не до конца осознавал, насколько я тебя люблю...

— Рой, перестань, от твоих слов ничего не изменится, моё здоровье не улучшится, я не рожу тебе завтра трёх хорошеньких детишек и не приведу в исполнение твой идеальный план. Я не смогу украсить собой твою идеальную жизнь, и я просто не понимаю, зачем ты здесь?

— Мне не нужна моя идеальная жизнь и идеальный план без тебя, Надья. Всё это... дети, дом, всё, что было важно и нужно — всё это не имеет значения без тебя.

— Это сейчас! Ты знаешь это.

— Я считал так же... Ты уехала, я был уверен, что это правильное решение, что у всех своя жизнь и свои приоритеты, но мои приоритеты — не идеальный план, а ты. Ты необходима мне в моей жизни, именно ты. И неважно, сколько у нас будет детей, и будут ли вообще, неважно, какие у тебя будут гарантии, или у меня.

— Вы выбросил меня!

— Прости.

— Ты просто бросил, даже «прости» не сказал!

— Прости.

— Да что б тебя, — и Надежда разразилась отборными ругательствами на русском, чередуя с английскими устойчивыми выражениями и слезами.

— Вернись ко мне... — всё, что она слышала в ответ, пока не согласилась вернуться, уже смеясь, но не веря Рою, себе и действительности.

— Кто это? — отец появился на пороге дома и недовольно поглядывал на Роя. — Снова неймётся, один любовник приехал, второго привёз, когда же ты остановишься-то, девка? Не молоденькая ведь!

— Будет тебе, — появившаяся мама.

— Я замуж выхожу, кажется... — Надя посмотрела на Роя и перевела, что она сказала.

— И кто он? — отец прищурил глаза и оглядел Роя с ног до головы. — Странный какой-то, Серёга и тот вроде понятнее, а у этого взгляд какой-то... кем он хоть работает-то?

— Актёр...

— Маааааааать, снова актёр! Да, что... Надежда, снова тебя по интернетам носит, нашла же себе, стыдоба! Жить-то вы на что будете? Знаем мы актёров! А ты куда смотришь, Серёга? — не унимался. — Понятно, не тебе решать, но я бы не позволил вот так Машу свою уводить... Одумайся! Надежда! Как только не боишься.

— Я обещала больше не бояться.

Эпилог

Рой Флеминг быстро шёл по светлому коридору клиники, окна которой выходили на

заснеженные шапки гор и зелень лугов.

Он узнал всё, что его интересовало, и сейчас контролировал свой шаг, чтобы не рвануть вперёд, что было мочи.

Он опоздал.

Спектакль с участием Рекса Фроста пришлось перенести, потом ещё раз, в итоге всё прошло успешно, они даже получили престижную премию, и вся семья, присутствующая на премьере, поддержала Роя... но он опоздал на главную премьеру своей жизни и корил себя за это.

Он тихо зашёл в светлое помещение и бросил взгляд на шарики под потолком и цветы вдоль стен, львиная доля которых была от него.

Надежда, в светлом шёлке, сидела, облокотившись на подушки, синие тени пролегли под её глазами, лицо немного отекло и кое-где были видны сосудики... На её коленях лежала подушка, и она неотрывно смотрела на их сына, который хмурил лобик и носик и водил ручками в синих рукавичках для новорожденных.

Рой подошёл и сел рядом, смотря поочерёдно на свою жену и на сына, который уже был на руках Нади, и её глаза бегали от мужа к маленькому мальчику. Рой попытался взять малыша на руки, но Надя не отдавала...

— Надья, — он улыбнулся, — Надья, можно я возьму своего сына на руки?

— Но?..

— Надья, — он улыбнулся понимающе и подождал, когда Надежда отпустит руки.

— Прости, я никак не привыкну, я боюсь его выпустить из рук.

— Я понимаю. Прости, что не успел.

— Ты не виноват, что они поспешили на свет, — Надя улыбнулась. — нас предупреждали, но отчего-то я была уверена, что всё пойдёт по плану.

— Ты справилась сама...

Вопреки предсказаниям врачей, роды Надежды прошли естественным путём.

Какое-то время Надежда не поднимала вопрос детей, Рой же не говорил об этом вовсе. Фотографии с их свадьбы облетели СМИ, но очень скоро эта новость перестала быть сенсацией. Их семью называли одной из самых закрытых пар кинематографа, и, в итоге, они перестали вызывать какой-либо интерес отсутствием скандалов или запахом перчёного.

Через некоторое время Надежда всё же решилась воспользоваться единственным потенциальным шансом на беременность и, пройдя курс терапии, они с Роем в нетерпении, но со страхом, стали ждали результатов. Который вылился в рождение двойняшек, немного раньше времени. И если мальчик родился крепче, то девочка нуждалась в поддерживающей терапии.

— Ты видел её? — Надя.

— Да, она красавица, с ней всё будет хорошо, через пару недель мы все будем дома.

— Пару недель? Но у тебя же...

— Ничего, поработаю пока здесь, потом из дома некоторое время. Кстати, думаю, дом мы не узнаем, кажется, Паула скупила весь детский ассортимент.

— Хорошо... мне бы не хотелось отвлекать тебя от работы.

— Иногда важно отвлекаться от работы... твой отец прислал письмо на электронную почту.

— Оу?

— Интересно, есть ли у меня средства на подгузники детям, насколько я понял через

переводчик.

Надежда засмеялась. Даже рождение детей не смогла убедить Валерия Егорыча в том, что его старшая дочь счастлива и благополучна, выйдя замуж за Роя Флеминга.

Ведь звёзды часто разочаровывают.

Надежда не чувствовала себя разочарованной, хотя иногда карета грозила превратиться в тыкву, а кучер в крысу. Тогда она садилась рядом с Роем, улыбаясь, случала его, иногда не слыша, наслаждаясь тем, что он рядом, понимая, что это и есть самое важное, а не то, как часто разочаровывают далёкие звёзды.

Больше книг на сайте - Knigolub.net